

ЗЕЙН ГРЕЙ

ВСАДНИКИ

ПУРПУРНОЙ

ПОЛЫНИ

ДИКИЙ ЗАПАД • РАНЧО • КОВБОИ
РЕВОЛЬВЕРЫ • ЗОЛОТО • ЛЮБОВЬ

БЕСТСЕЛЛЕР
ДИКОГО ЗАПАДА

ВЫДЕРЖАЛО
ДЕСЯТКИ ПЕРЕИЗДАНИЙ

18+

Зейн Грей

Всадники пурпурной полыни

«Автор»

2026

Грей З.

Всадники пурпурной полыни / З. Грей — «Автор», 2026

Юта, 1871 год. Джейн Уизерстин, хозяйка богатого ранчо в южной Юте, восстаёт против собственной общины ради дружбы с изгнанным всадником Берном Вентерсом — и платит за эту дружбу почти всем, чем владеет. Когда церковники объявляют ей негласную войну, у неё остаётся лишь один защитник — таинственный стрелок в чёрном по имени Ласситер, много лет идущий по следу человека, погубившего его сестру. Впереди — угон стад, скрытая долина за проходом Десепшн, всадник в маске с тайной страшнее любой легенды, запретная любовь и расплата, что не пощадит никого. Классический роман Зейна Грея (1912) — один из самых знаменитых вестернов в истории литературы: скачки, перестрелки, погони и пурпурные полынные закаты южной Юты. Издание богато иллюстрировано: 23 сюжетные картины — по одной к каждой главе — и портреты пяти главных героев. В конце книги — бонусный раздел из жизни ковбоев: снаряжение и оружие ковбоя, устройство фургона и обоза, питание переселенцев в пути и карта маршрута каравана.

© Грей З., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От переводчика	5
Действующие лица	6
Джейн Уизерстин	6
Ласситер (дядя Джим)	7
Берн Вентерс	8
Бэсс / Элизабет Эрн	9
Старейшина Талл	10
Второстепенные персонажи	11
Места и территории	12
Растения	13
Глава I. Ласситер	14
Глава II. Коттонвудс	21
Глава III. Янтарный Источник	28
Глава IV. Проход Десепшн	35
Глава V. Всадник в маске	42
Глава VI. Мельничное колесо быков	49
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Зейн Грей

Всадники пурпурной полыни

От переводчика

«Всадники пурпурной полыни» Зейна Грея — один из самых знаменитых романов о Диком Западе, впервые изданный в 1912 году. Это история о ранчо в глухом углу южной Юты, о мормонской вдове Джейн Уизерстин, что бросает вызов собственной общине ради дружбы с иноверцем, о загадочном стрелке Ласситере, много лет идущем по следу человека, погубившего его сестру, и о запретной любви среди пурпурных полынных склонов и скрытых каньонов прохода Десепшн.

При переводе я старался сохранить неспешный, торжественный слог Зейна Грея — писателя, для которого сама природа Юты была не декорацией, а действующим лицом романа. По просьбе автора этого издания несколько принципиальных решений оговорены отдельно: растение, давшее имя роману (в оригинале — *sage*), переведено как «полынь», а не «шалфей»; топоним «Desertion Pass» передан как «проход Десепшн», с прописной буквы у собственного имени; имена коней Чёрная Звезда (жеребец) и Ночь (кобыла) сохранены без кавычек, с согласованием глаголов по смыслу, а не по грамматическому роду слов.

Приятного чтения!

Владимир Давыдов

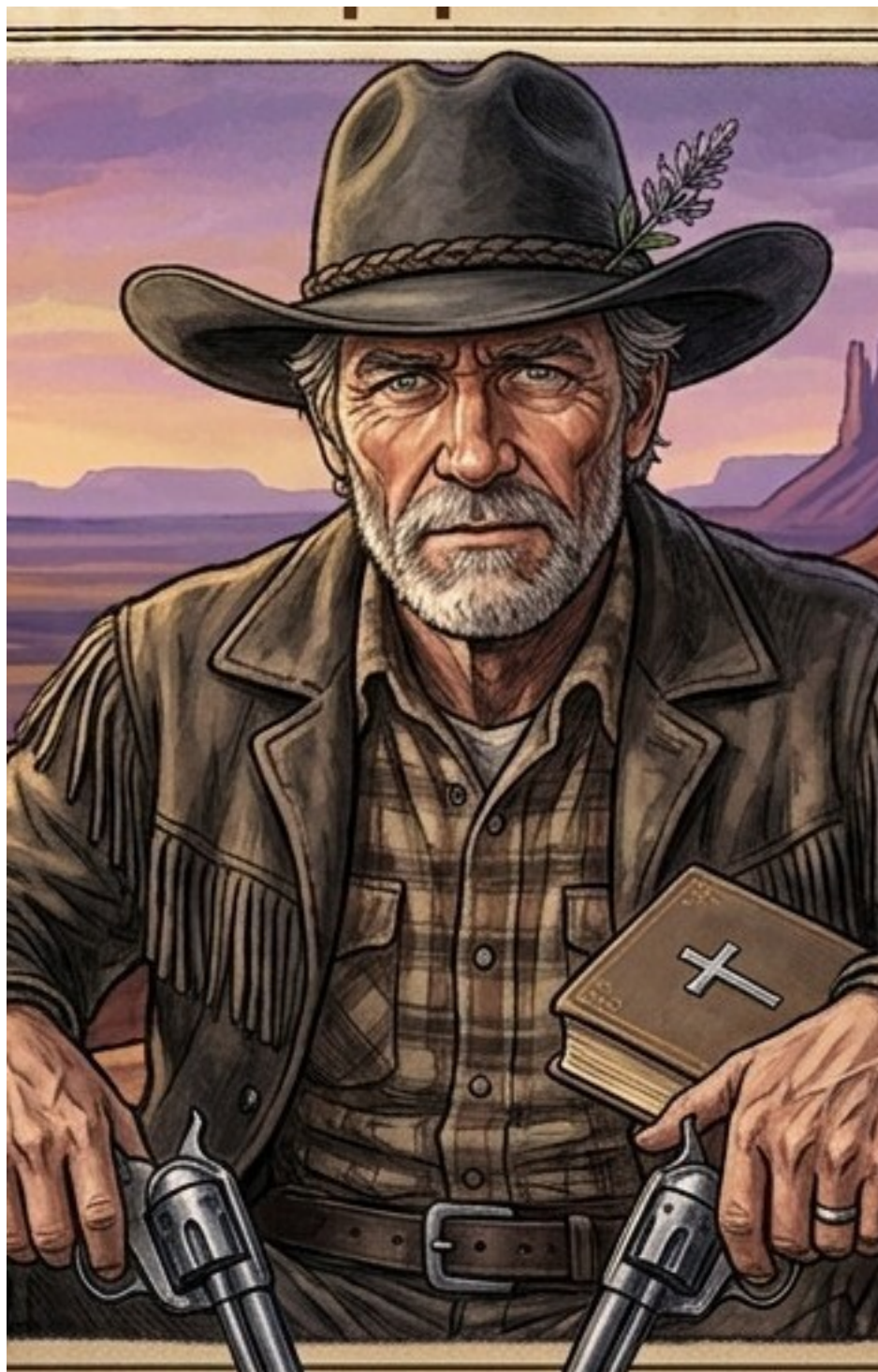
Действующие лица

Джейн Уизерстин

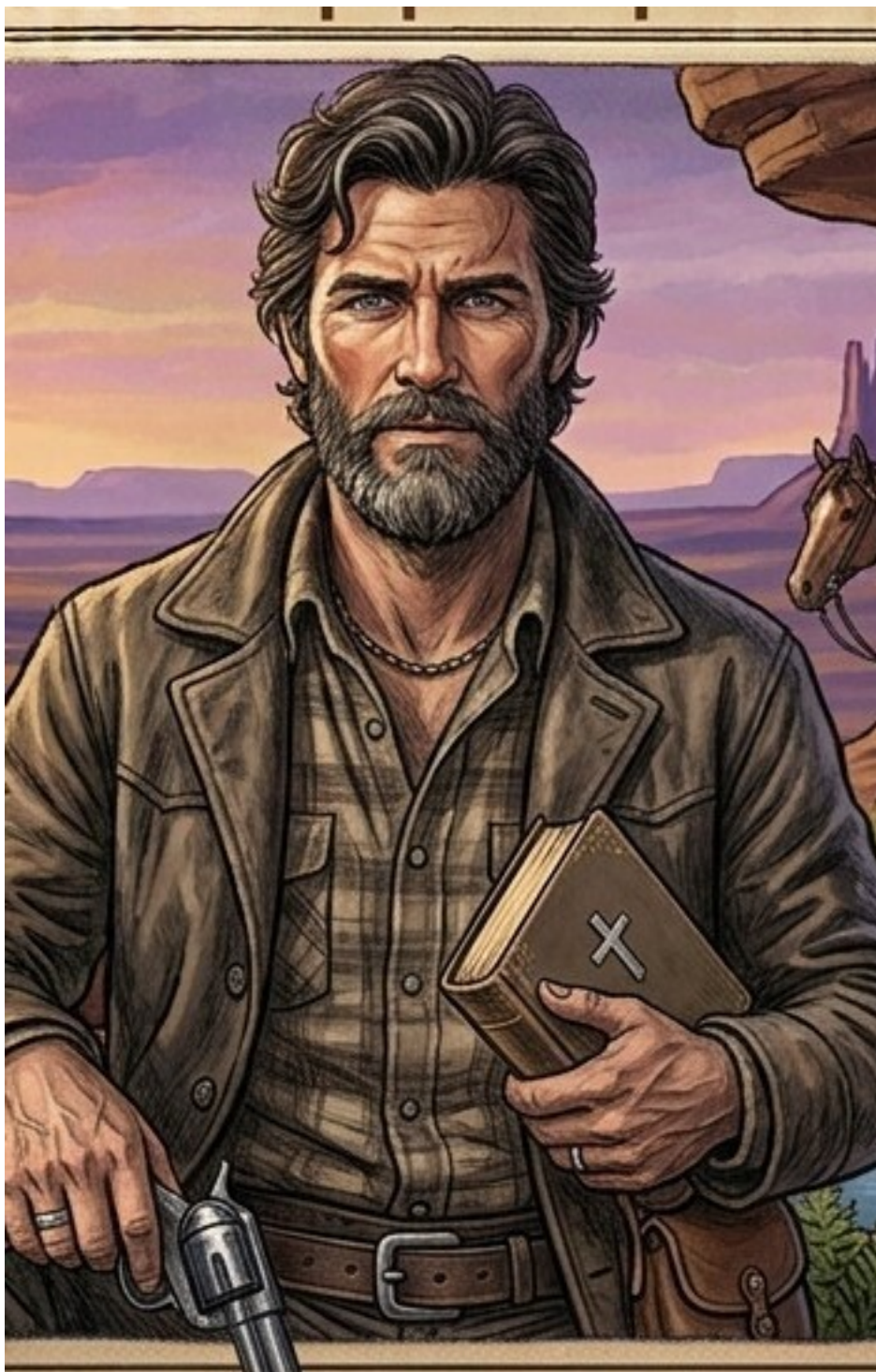
Хозяйка Дома Уизерстинов и огромного ранчо в Коттонвудсе, унаследованного от отца. Мормонка, чья дружба с иноверцем Вентерсом и наём стрелка Ласситера навлекают на неё гнев церковников, стоивший ей почти всего состояния.

Ласситер (дядя Джим)

Стрелок в чёрном, знаменитый и грозный по всей полыни. Восемнадцать лет ищет человека, погубившего его сестру Милли Эрн. Настоящее имя — Джим. Оказывается братом Милли и дядей Бэсс/Элизабет Эрн.

Берн Вентерс

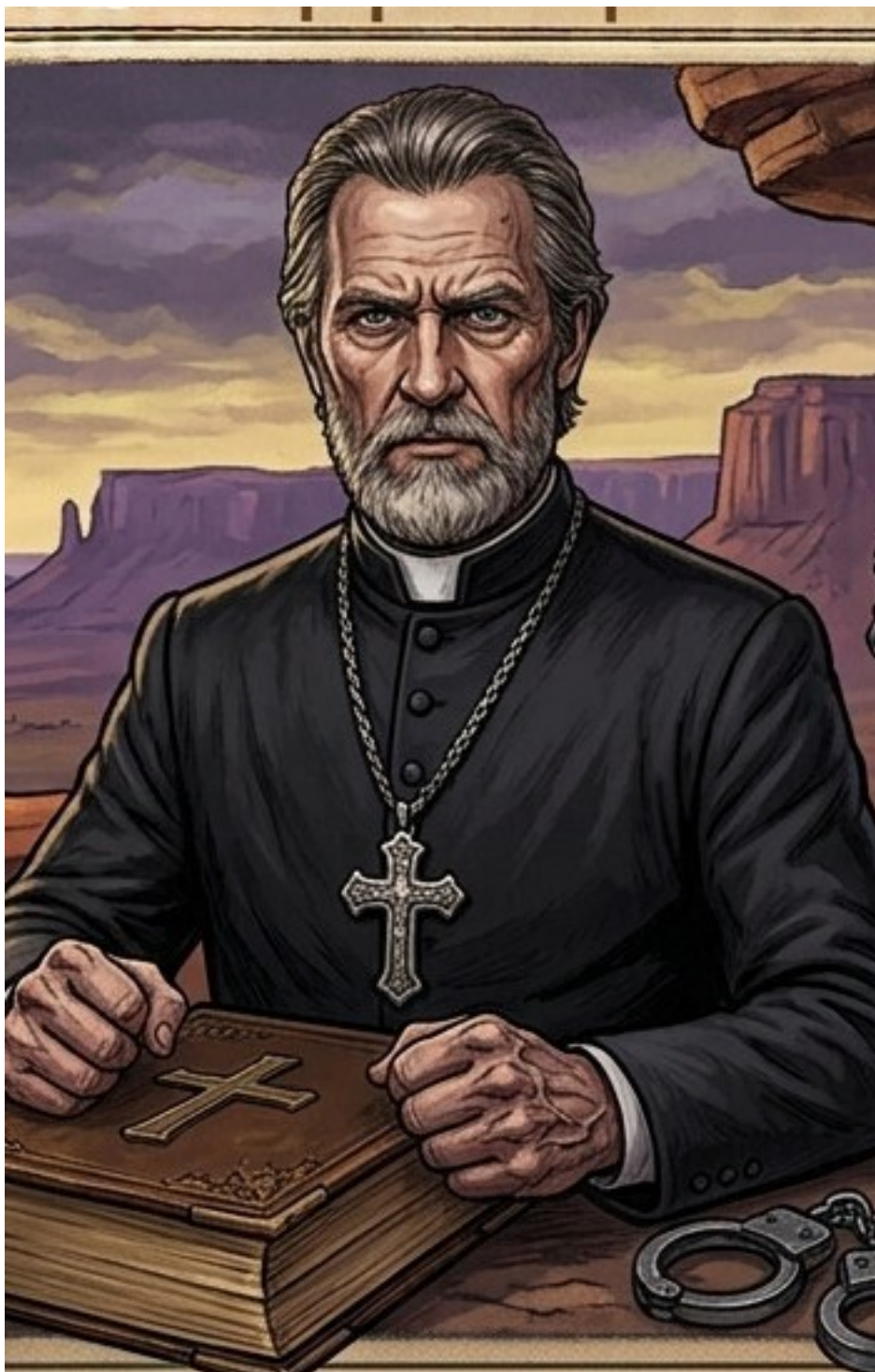
Бывший всадник Джейн Уизерстин, изгнанный из общины за дружбу с ней. Находит убежище в Долине Сюрприз, спасает и влюбляется в Бэсс, узнав в ней всадника Олдринга в маске.

Бэсс / Элизабет Эрн

Всадник Олдринга в маске — таинственная фигура, наводившая страх на всю полынью. На деле — дочь Милли и Фрэнка Эрн, похищенная в детстве по приказу епископа Дайера и воспитанная угонщиком Олдрингом как родную дочь.

Старейшина Талл

Мормонский старейшина, помогающий руки Джейн Уизерстин. Один из главных гонителей Джейн и виновников угона её стад.

Второстепенные персонажи

Епископ Дайер. Глава мормонской общины Коттонвудса. В прошлом — вербовщик новой веры, погубивший Милли Эрн и по злому умыслу отдавший её дочь угонщику Олдрингу.

Милли Эрн. Покойная сестра Ласситера и мать Бэсс. Похищена из дома в Техасе, привезена в Юту, умерла в Коттонвудсе; похоронена на тайном кладбище на земле Джейн.

Фрэнк Эрн. Отец Бэсс, в прошлом лучший друг Ласситера, соперник епископа Дайера. Умер за десять лет до событий романа.

Олдринг. Предводитель банды угонщиков скота в проходе Десепшн. Вырастил Бэсс как родную дочь, скрывая её пол под маской и именем Всадника в маске.

Фэй Ларкин. Маленькая девочка-сирота, которую удочеряет Джейн Уизерстин.

Миссис Ларкин. Мать Фэй, умирающая вдова из иноверческого квартала Коттонвудса.

Джадкинс. Верный иноверный всадник на службе у Джейн Уизерстин.

Джерри Кард. Правая рука старейшины Талла, лучший наездник округа; гибнет вместе с Рэнглом в финале скачки.

Блейк. Мормонский всадник, вернувшийся служить Джейн вопреки гневу общины; убит конокрадами.

Джерд. Мальчик-конюх на ранчо Уизерстинов.

Хорн. Скотовод, оказавшийся тайно связан с угонщиками; найден застреленным.

Ринг и Уайти. Овчарки Вентерса, помесь колли и дирхаунда.

Места и территории

Коттонвудс. Мормонское селение на южной границе Юты, основанное отцом Джейн Уизерстин; центр событий романа.

Дом Уизерстинов. Старый каменный дом Джейн, с тенистым внутренним двориком и янтарным ручьём.

Янтарный Источник. Источник янтарной воды, питающий Коттонвудс; главное богатство ранчо Уизерстинов.

Проход Десепшн (Deception Pass). Огромная система обманчивых каньонов, служащая убежищем угонщику Олдрингу; проход — существительное мужского рода, склоняется, «Десепшн» не склоняется.

Долина Сюрприз. Скрытая долина в глубине прохода Десепшн, найденная Вентерсом; убежище жилищ древних обитателей скал, серебристых елей и осин.

Балансирующий Камень. Исполинский валун на грани равновесия над выходом из Долины Сюрприз, вырубленный некогда обитателями скал как последняя оборона; в финале романа сброшен, чтобы навсегда закрыть проход.

Глейз. Селение к северу от Коттонвудса.

Стоун-Бридж. Ещё одно пограничное мормонское селение.

Стерлинг. Ближайший крупный город за пределами полынной глуши, конечная цель бегства Вентерса и Бэсс.

Овал. Огромная скрытая долина-развилка в проходе Десепшн, где угонщики держат тайное пастбище и откуда расходятся боковые каньоны.

Юта. Штат, где происходит действие романа; события отнесены к 1871 году.

Техас. Родина Ласситера, Милли и Фрэнка Эрн.

Иллинойс. Родной штат Вентерса, куда он мечтает увезти Бэсс.

Растения

Полынь (пурпурная полынь). Сквозной образ романа — дикие полынные склоны и равнины южной Юты, давшие книге название. В переводе всюду «полынь», не «шалфей».

Тополя. Рощи вдоль ручьёв и в Коттонвудсе; тень и укрытие для домов и лагерей.

Осины. Растут ярусами на террасах Долины Сюрприз.

Серебристые ели. Окаймляют подножия стен Долины Сюрприз; под ними Вентерс устраивает лагерь.

Дубы. Образуют центральный лесной круг Долины Сюрприз.

Ивы. Растут вдоль ручьёв; из их прутьев Вентерс плетёт изгородь.

Люцерна. Кормовая культура на полях ранчо Уизерстинов.

Можжевельник. Узловатые деревья на голых каменных склонах над Долиной Сюрприз.

Лавандовые маргаритки. Цветы на безымянной могиле Милли Эрн в полыни.

Дикая слива и лилии. Растения, что Вентерс и Бэсс собирают на прогулках по Долине Сюрприз.

Глава I. Ласситер

Резкий перестук подкованных копыт стих и замер вдали, и облака жёлтой пыли поплыли из-под тополей над полынной степью.

Джейн Уизерстин смотрела вниз, на широкий пурпурный склон, задумчивым и тревожным взглядом. Всадник только что покинул её, и весть, которую он привёз, заставляла её сидеть в раздумье, почти в печали, в ожидании церковников, которые ехали, чтобы осудить и оспорить её право на дружбу с иноверцем.

Она думала о том, не коснутся ли и её те смуты и распри, что в последнее время пришли в маленькое селение Коттонвудс. И вздыхала, вспоминая, что отец основал это самое дальнее пограничное поселение южной Юты и оставил его ей. Ей принадлежала вся земля и многие из домов. Дом Уизерстинов был её, и огромное ранчо с тысячами голов скота, и самые быстрые кони во всей долины. Ей принадлежал Янтарный Источник — вода, что давала селению зелень и красоту и делала возможной жизнь на этой дикой пурпурной нагорной пустоши. Она не могла остаться в стороне от того, что бы ни случилось с Коттонвудсом.

Тот год, 1871-й, отметил перемену, что исподволь совершалась в жизни миролюбивых мормонов пограничья. Глейз, Стоун-Бридж, Стерлинг — селения к северу — восстали против наплыва иноверных поселенцев и набегов угонщиков скота. С одними велась вражда, с другими — открытая борьба. И теперь Коттонвудс тоже начинал просыпаться, приходить в движение и черстветь сердцем.

Джейн молилась, чтобы покой и сладость её жизни не были нарушены навсегда. Она хотела сделать для своих людей куда больше, чем сделала до сих пор. Ей хотелось, чтобы эти сонные, тихие, пасторальные дни длились вечно. Раздор между мормонами и иноверцами общины делал её несчастной. Она была мормонкой по рождению, но была другом бедным и обездоленным иноверцам. Она хотела лишь продолжать творить добро и быть счастливой. И она думала о том, чем было для неё это огромное ранчо. Она любила всё в нём — рощу тополей, старый каменный дом, воду янтарного оттенка, табуны лохматых, запylённых лошадей и мустангов, гладких, поджарых, чистокровных скакунов, пасущиеся стада скота и худых, обожжённых солнцем всадников долины.

Пока она ждала, она позабыла о грядущей недоброй перемене. Рёв ленивого осла нарушил послеполуденную тишь, и в нём было что-то от сонного скотного двора, открытых заго-

нов и зелёных полей люцерны. Её зоркий взгляд лишь усиливал пурпур полынного склона, что стелился перед ней. Пологие холмы, похожие на прерию, поднимались к западу. Тёмные одинокие можжевельники, редкие и разбросанные, резко выделялись на местности, а вдали виднелись руины красных скал. Дальше, вверх по отлогому склону, вставала обрушенная стена — исполинский монумент, темневший пурпуром и тянувшийся своим одиноким, таинственным путём, зыбкой линией, тающей на севере. Здесь, на западе, были свет, краски и красота. К северу склон опускался к смутной линии каньонов, из которых вздымалось не горное, а огромное вспучивание земли — пурпурные нагорья с ребристыми и веерообразными стенами, похожими на замки утёсами и серыми кручами. Над всем этим, удлиняясь, ползли гаснущие предвечерние тени

Частый топот копыт вернул Джейн Уизерстин к делу, что стояло перед ней. Отряд всадников на рысях въехал в проулок, спешил, бросив поводья. Их было семеро, и Талл, предводитель, высокий смуглый мужчина, был старейшиной церкви, к которой принадлежала Джейн.

— Вы получили моё послание? — спросил он резко.

— Да, — ответила Джейн.

— Я передал, что даю этому всаднику Вентерсу полчаса на то, чтобы явиться в селение.

Он не явился.

— Он ничего об этом не знает, — сказала Джейн. — Я не сказала ему. Я ждала здесь вас.

— Где Вентерс?

— Я оставила его во дворе.

— Эй, Джерри, — окликнул Талл, обернувшись к своим людям, — возьми ребят и приведи сюда Вентерса, хоть арканом тащи, если понадобится.

Пропылённые сапогами, с длинными шпорами всадники с шумом двинулись в рощу тополей и скрылись в тени.

— Старейшина Талл, что всё это значит? — потребовала ответа Джейн. — Если вам нужно арестовать Вентерса, вы могли бы иметь любезность подождать, пока он покинет мой дом. И даже если вы его арестуете, это будет оскорблением вдобавок к обиде. Нелепо обвинять Вентерса в причастности к той перестрелке в селении прошлой ночью. Он был со мной в это время. Более того, он позволил мне забрать его оружие себе на хранение. Вы просто используете это как предлог. Что вы намерены сделать с Вентерсом?

— Я скажу вам вскорости, — ответил Талл. — Но сперва скажите мне, отчего вы защищаете этого никчёмного всадника?

— Никчёмного! — воскликнула Джейн с негодованием. — Ничего подобного. Он был лучшим наездником из всех, что у меня служили. Нет причины, по которой я не должна была бы за него заступиться, и есть все причины, чтобы заступиться. Мне не мало стыдно, старейшина Талл, что из-за дружбы со мной он навлёк на себя вражду моих же людей и стал изгоем. Кроме того, я обязана ему вечной благодарностью за спасение жизни малышки Фэй.

— Я слышан о вашей любви к Фэй Ларкин и о том, что вы намерены удочерить её. Но — Джейн Уизерстин, ведь дитя — иноверка!

— Да. Но, старейшина, я не люблю детей-мормонов меньше оттого, что люблю дитя-иноверку. Я удочерю Фэй, если её мать отдаст мне девочку.

— Против этого я не так уж и возражаю. Вы можете дать ребёнку мормонское воспитание, — сказал Талл. — Но мне тошно смотреть, как этот Вентерс отирается возле вас. Я намерен положить этому конец. У вас столько любви, что вы готовы расточать её на этих попрошайек-иноверцев, и у меня есть подозрение, что вы можете любить и самого Вентерса.

Талл говорил с высокомерием мормона, чья власть не терпит возражений, и со страстью человека, в котором ревность разожгла всепожирающий огонь.

— Может, я и правда его люблю, — сказала Джейн. Она почувствовала, как в сердце шевельнулись и страх, и гнев. — Мне это в голову не приходило. Бедняга! Ему, право, нужен кто-то, кто бы его любил.

— Плохой это будет для Вентерса день, если вы не откажетесь от этих слов, — угрюмо отозвался Талл.

Люди Талла показались из-под тополей, ведя за собой юношу. Его рваная одежда была одеждой изгоя. Но держался он прямо и стройно, широко расправив плечи, мышцы связанных рук бугрились, а в глазах, что он не отрывал от Талла, горело синее пламя вызова.

Впервые Джейн Уизерстин по-настоящему ощутила натуру Вентерса. Она спросила себя, могла бы она полюбить этого статного юношу. Но тут же чувство её остыло, уступив место трезвому сознанию того, что стояло на кону.

— Вентерс, покинете ли вы Коттонвудс — немедленно и навсегда? — напряжённо спросил Талл.

— Зачем? — отозвался всадник.

— Затем, что я так велю.

Вентерс рассмеялся с холодным презрением.

Кровь бросилась в смуглые щёки Талла.

— Если вы не уедете, это будет означать вашу гибель, — сказал он резко.

— Гибель! — с горячностью воскликнул Вентерс. — Разве вы уже не погубили меня? Что вы называете гибелью? Год назад я был наездником. У меня были свои кони, свой скот. У меня было доброе имя в Коттонвудсе. А теперь, стоит мне прийти в селение повидать эту женщину, вы натравливаете на меня своих людей. Вы травите меня. Гоняетесь за мной, будто я скотокрад. Мне больше нечего терять — разве что жизнь.

— Уедете ли вы из Юты?

— О, я знаю, — продолжал Вентерс с издёвкой, — вас гложет одна мысль: что прекрасная Джейн Уизерстин дружит с бедным иноверцем. Вы хотите заполучить её всю, целиком, себе. Вы мормон-многоженец. Вам есть на что её употребить — и на Дом Уизерстинов, и на Янтарный Источник, и на семь тысяч голов скота!

Твёрдая челюсть Талла выдвинулась вперёд, и вздувшаяся кровь налила жилы на его шее.

— В последний раз. Уедете вы?

— Нет!

— Тогда я велю выпороть вас так, что вы едва останетесь живы, — жёстко ответил Талл. — Я вышвырну вас в полынь. А если вы когда-нибудь вернётесь, вам будет ещё хуже.

Взволнованное лицо Вентерса застыло в холодной решимости, и бронзовый загар на нём сменился серым.

Джейн порывисто шагнула вперёд.

— О! Старейшина Талл! — воскликнула она. — Вы этого не сделаете!

Талл поднял на неё дрожащий палец.

— С вас довольно. Поймите: вам не позволят держать этого мальчишку в дружбе, оскорбительной для вашего епископа. Джейн Уизерстин, отец оставил вам богатство и власть. Они вскружили вам голову. Вы всё ещё не осознали, каково место мормонской женщины. Мы увещевали вас, мы терпели вас. Мы терпеливо ждали. Мы позволяли вам своевольничать больше, чем я когда-либо видел, чтобы позволялось мормонке. Но в разум вы так и не пришли. Теперь, раз и навсегда: больше никакой дружбы с Вентерсом. Его выпорют, и он должен покинуть Юту!

— О! Не порите его! Это было бы подлостью! — взмолилась Джейн, чувствуя, как медленно, но верно её покидает мужество.

Талл всегда притуплял её дух, и она с горечью сознавала, что напускная смелость её была только личиной. Теперь он предстал перед ней в ином обличье — не как ревнивый поклонник,

а как воплощение того таинственного деспотизма, что она знала с детства, — власти её собственной веры.

— Вентерс, примете вы порку здесь, или предпочтёте выйти в полынь? — спросил Талл. Он улыбнулся кремнёвой улыбкой, более чем нечеловеческой, но словно исходящей из своей тёмной отчуждённости отблеск некой праведности.

— Приму здесь — если придётся, — сказал Вентерс. — Но, видит Бог, Талл, лучше бы вам было прикончить меня сразу. Дорого обойдётся вам эта порка — вам и вашим молельщикам-мормонам. Вы сделаете из меня второго Ласситера!

Странное свечение, суровый свет, что исходил от лица Талла, могли бы сойти за святую радость от сознания исполняемого высокого долга. Но было в нём и нечто иное, едва скрытое, — нечто личное и зловещее, некая глубина в нём самом, поглощающая бездна. Как религиозное чувство его было фанатичным и неумолимым, так и плотская ненависть его была бы беспощадна.

— Старейшина, я... я беру свои слова назад, — дрогнувшим голосом сказала Джейн. Вера в ней, долгая привычка к послушанию и смирению, а также муки страха звучали в её голосе. — Пощадите мальчика! — прошептала она.

— Вам уже не спасти его, — резко ответил Талл.

Голова её склонялась перед неизбежным. Она уже почти смирилась с истиной, когда вдруг внутри неё, в самой глубине, произошло стеснение, отвердение неких кротких сил её существа. Точно стальной прут, что-то выпрямляло в ней всё, что было мягким и слабым. Она ощутила в себе рождение чего-то нового и непостижимого. Ещё раз её напряжённый взгляд обратился к полынным склонам. Джейн Уизерстин любила эту дикую пурпурную пустошь. В дни скорби та была её силой, в дни счастья её красота была её неизменной отрадой. В своей крайности она поймала себя на шёпоте: «Откуда придёт помощь моя!» Это была молитва — будто из тех одиноких пурпурных далей, из стен красного камня и расселин синевы мог выехать бесстрашный человек, не скованный верой и не безумный от веры, который поднял бы удерживающую руку перед лицом её безжалостных людей.

Беспокойные движения людей Талла вдруг утихли. Затем послышался тихий шёпот, шорох, отрывистое восклицание.

— Смотрите! — сказал один, указывая на запад.

— Всадник!

Джейн Уизерстин обернулась и увидела всадника, тёмным силуэтом выступавшего на фоне закатного неба, выезжающего из полыни. Он спускался слева, в золотистом сиянии солнца, и оставался незамеченным, пока не оказался совсем близко. Ответ на её молитву!

— Вы знаете его? Кто-нибудь его знает? — торопливо спросил Талл.

Его люди вглядывались, вглядывались — и один за другим качали головами.

— Он приехал издалека, — сказал один.

— Хорош конь, — сказал другой.

— Незнакомый всадник.

— Ха! Он в чёрной коже, — прибавил четвёртый.

Взмахом руки, призывая к молчанию, Талл шагнул вперёд так, что заслонил собой Вентерса.

Всадник осадил коня и гибким, скользящим движением вперёд словно достиг земли одним долгим шагом. Движение это было необычным своей быстротой и ещё тем, что, совершая его, всадник ни на йоту не отвернулся от группы перед собой, оставаясь к ней лицом.

— Смотрите! — хрипло прошептал один из спутников Талла. — У него два револьвера с чёрными рукоятками — низко, их едва видно — черны, как эти его чёрные кожаные штаны чапсы.

— Стрелок! — прошептал другой. — Ребята, поосторожнее с руками.

Неспешное приближение незнакомца могло быть просто неторопливой походкой или скованными, короткими шагами всадника, отвыкшего ходить пешком; но с тем же успехом это могла быть и настороженная поступь человека, не желающего рисковать понапрасну.

— Здорово, незнакомец! — окликнул Талл. В этом приветствии не было и тени радушия — только грубое любопытство.

Всадник ответил коротким кивком. Широкие поля чёрного сомбреро бросали тёмную тень на его лицо. С минуту он пристально разглядывал Талла и его товарищей, а затем, приостановив свой медленный шаг, будто расслабился.

— Добрый вечер, мэм, — сказал он Джейн и снял сомбреро с чудным изяществом.

Джейн, отвечая на приветствие, взглянула в лицо, которому мгновенно и безотчётно поверила и которое приковало её внимание. В нём были все приметы наездника прерий — худоба, красный загар солнца и та неизменность черт, что приходит от долгих лет молчания и одиночества. Но не это удержало её взгляд, а напряжённость его взора, какая-то измождённая тоска, пронзительная задумчивость серых зорких глаз, точно человек этот вечно искал то, чего никогда не находил. Женское чутьё Джейн, даже за это краткое мгновение, уловило печаль, голод души, тайну.

— Джейн Уизерстин, мэм? — спросил он.

— Да, — ответила она.

— Вода здесь ваша?

— Да.

— Могу я напоить коня?

— Разумеется. Вон колода.

— Но, может, знай вы, кто я... — Он замялся, покосившись на слушающих его мужчин. — Может, вы бы и не позволили мне его напоить, — хоть я и не для себя прошу.

— Незнакомец, не важно, кто вы. Напоите коня. А если вы голодны и хотите пить — заходите в дом.

— Благодарю, мэм. Для себя я принять не могу — но для моего усталого коня...

Топот копыт прервал всадника. Новое движение среди людей Талла разомкнуло тесный круг, и стал виден пленник Вентерс.

— Может, я чему помешал... ненадолго, быть может? — спросил всадник.

— Да, — ответила Джейн Уизерстин, и голос её дрогнул.

Она почувствовала притягательную силу его взгляда; и увидела, как он посмотрел на связанного Вентерса, на людей, что его держали, и на их предводителя.

— В здешних краях выходит, все скотокрады, воры, головорезы, стрелки да прочий сброд — сплошь иноверцы. Мэм, к какому же разряду негодяев принадлежит этот молодой парень?

— Он не принадлежит ни к одному из них. Он честный юноша.

— Вы это знаете, мэм?

— Да... да.

— Тогда за что же его так связали?

Его ясный, отчётливый вопрос, обращённый и к Таллу, и к Джейн Уизерстин разом, унял беспокойство и на мгновение установил тишину.

— Спросите его самого, — ответила Джейн, и голос её зазвенел выше.

Всадник отступил от неё, двинувшись тем же неспешным, размеренным шагом, каким подошёл, и то обстоятельство, что движение это отстранило её в сторону, самого же его несколько не приблизило к Таллу и его людям, имело значение, что проникало глубоко.

— Молодой человек, говорите, — сказал он Вентерсу.

— Эй, незнакомец, это вас не касается, — начал Талл. — Не вздумайте вмешиваться. Вас пригласили выпить и закусить. Это больше, чем вы получили бы в любом другом селении на границе Юты. Напоите коня и езжайте своей дорогой.

— Полегче... полегче... я пока не вмешиваюсь, — ответил всадник. Тон его голоса переменялся. Заговорил уже другой человек. С Джейн он был мягок и учтив, теперь же, в первых словах, обращённых к Таллу, стал сухим, холодным, язвительным. — Похоже, я попал на довольно любопытное дельце. Семеро мормонов, все при оружии, да иноверец, связанный верёвкой, да женщина, что клянётся в его честности! Чудно, не так ли?

— Чудно или нет, вас это не касается, — отрезал Талл.

— Там, где меня растили, слово женщины было законом. Я эту привычку ещё не совсем изжил.

Талл кипел, разрываясь между изумлением и гневом.

— Пустомеля, у нас тут закон другой, не бабья прихоть, — закон мормонов!.. Смотрите, не преступите его.

— К чёрту ваш мормонский закон!

Эта неторопливая фраза отметила новую перемену во всаднике — от благожелательного участия к пробуждающейся угрозе. Она произвела в Талле и его товарищах настоящее преобразование. Предводитель ахнул и отшатнулся назад, точно от кощунственного оскорбления самому святому, что у него было. Джерри, державший коней, выронил поводья и замер на месте. Точно столбы, застыли остальные, настороженные, с онемевшими опущенными руками, — все выжидали.

— Говорите же, молодой человек. За что вас так связали?

— Это проклятое беззаконие! — вырвалось у Вентерса. — Я не сделал ничего дурного. Я лишь оскорбил этого мормонского старейшину тем, что дружен с этой женщиной.

— Мэм, это правда — то, что он говорит? — спросил всадник у Джейн, но его настороженные, живые глаза ни на миг не отрывались от притихшей кучки мужчин.

— Правда? Да, чистая правда, — ответила она.

— Что ж, молодой человек, мне сдается, дружба с такой женщиной — это то, чему бы вы и не хотели, да и не смогли бы противиться... И что же вам за это причитается?

— Они собираются меня выпороть. Вы знаете, что это значит — в Юте!

— Догадываюсь, — медленно проговорил всадник.

Пока его серый взгляд холодно скользил по мормонам, пока кони беспокойно перебирали удила, пока Джейн не в силах была унять растущее волнение, а Вентерс стоял бледный и недвижный, напряжение этой минуты сгущалось всё сильнее. Талл разрядил его смехом — смехом без веселья, смехом, что был лишь звуком, выдающим страх.

— Идёмте, ребята! — крикнул он.

Джейн Уизерстин снова обернулась к всаднику.

— Незнакомец, неужели вы ничего не можете сделать, чтобы спасти Вентерса?

— Мэм, вы просите меня спасти его — от ваших же людей?

— Прошу ли я вас? Я вас умоляю!

— Но вы не подозреваете, о чём просите.

— О, сударь, я молю вас — спасите его!

— Это мормоны, и я...

— Любой ценой — спасите его. Ведь я... я люблю его!

Талл прорычал:

— Влюблённая дура! Выдаёшь свои секреты. Найдётся способ научить тебя тому, чему ты так и не выучилась... Пошли отсюда, парни!

— Мормон, парень останется, — сказал всадник.

Точно выстрел, голос его пригвоздил Талла к месту.

— Что?!

— Кто ему мешает? Он мой пленник! — горячо крикнул Талл. — Незнакомец, ещё раз говорю вам — не мешайтесь. Довольно вы уже намешали. Ступайте своей дорогой сейчас же, или...

— Слушайте... Он останется.

Абсолютная уверенность, не оставляющая и тени сомнения, звучала в тихом голосе всадника.

— Кто вы такой? Нас здесь семеро.

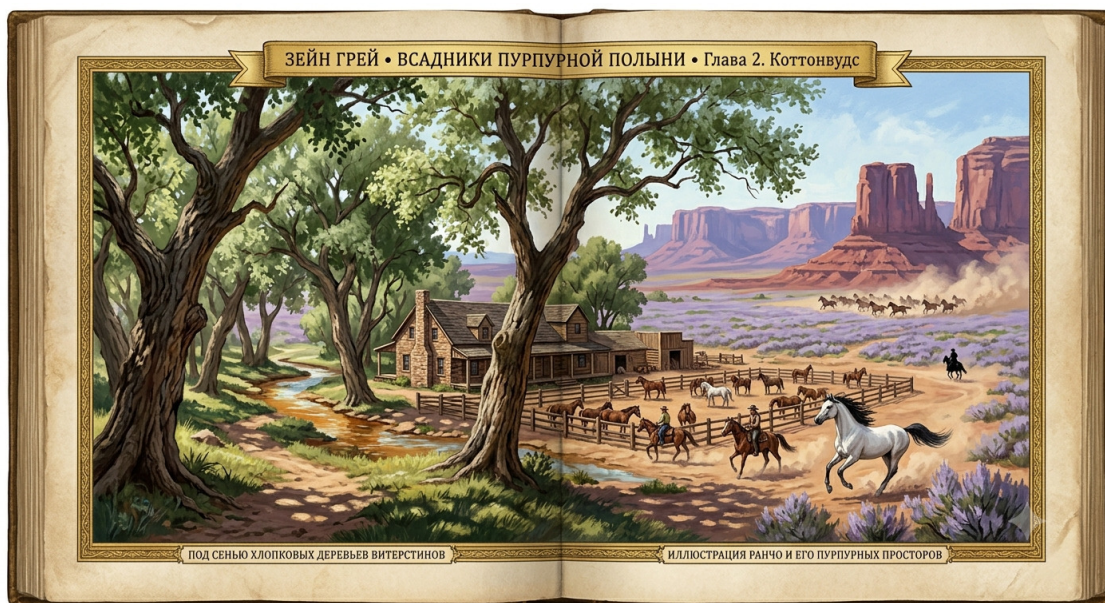
Всадник уронил сомбреро наземь и сделал стремительное движение — странное тем, что оставило его слегка присевшим, с согнутыми, напряжёнными руками, а тяжёлые чёрные кобуры развернулись вперёд.

— Ласситер!

Это Вентерс вскрикнул с изумлением и трепетом — крик, что перекинул роковой мост между странной позой всадника и грозным именем.

Талл вытянул вперёд шарящую руку. Взгляд его потускнел той мутью, какой люди его страха видят приближение смерти. Но смерть, хоть и нависла над ним, не обрушилась, ибо всадник ждал дрогнувших пальцев, стремительного взмаха руки — а его не последовало. Талл, овладев собой, повернулся к коням в сопровождении своих побледневших спутников.

Глава II. Коттонвудс

Вентерс, казалось, был слишком глубоко тронут, чтобы выразить словами благодарность, что читалась на его лице. А Джейн обернулась к своему избавителю и стиснула его руки. Улыбки и слёзы её, видно, привели его в замешательство. Когда к ней вернулось некое подобие спокойствия, она подошла к усталому коню Ласситера.

— Я сама его напою, — сказала она и подвела коня к колоде под старым исполинским тополем. Проворными пальцами она распустила уздечку и вынула удила. Конь фыркнул и опустил голову. Колода была из цельного камня, выдолбленная, покрытая мхом, зелёная, мокрая и прохладная, и чистая бурая вода, что питала её, била и плескала из деревянной трубы.

— Он нёс вас сегодня издалека?

— Да, мэм, что-то за шестьдесят миль, а то и семьдесят.

— Долгий путь... путь, что... Ах, да он слепой!

— Да, мэм, — ответил Ласситер.

— Что его ослепило?

— Кой-какие люди раз заарканили его да связали, а после поднесли каленое железо к самым глазам.

— О! Люди? Вы хотите сказать — дьяволы... Это были ваши враги — мормоны?

— Да, мэм.

— Мстить коню! Ласситер, люди моей веры бывают жестоки не по-человечески. К вечному моему стыду, я это признаю. Их гнали, ненавидели, хлестали бичом, пока их сердца не очерствели. Но мы, женщины, надеемся и молимся о том дне, когда наши мужчины смягчатся.

— Прощенья прошу, мэм... этот день не придёт никогда.

— О, придёт!.. Ласситер, вы считаете мормонских женщин порочными? Разве и против них была поднята ваша рука?

— Нет. Я полагаю, мормонские женщины — самые лучшие и благороднейшие, самые многострадальные — и самые слепые, самые несчастные женщины на земле.

— А! — Она окинула его серьёзным, задумчивым взглядом. — Тогда вы разделите со мной хлеб?

У Ласситера не нашлось готового ответа, и он неловко переступил с ноги на ногу, вертя сомbrero в руках.

— Мэм, — начал он наконец, — сдаётся мне, доброта вашего сердца заставляет вас закрывать глаза на иное. Может, я тут не больно-то известен, но там, на севере, есть мормоны, которым было бы беспокойно лежать в могилах при одной мысли, что я сижу с вами за одним столом.

— Охотно верю. Но... вы всё же сделаете это? — спросила она.

— Может, у вас есть брат или родич, что заглянет да обидится, и мне бы не хотелось...

— У меня нет в Юте ни единого родственника, о котором я бы знала. Никто не вправе спрашивать с меня за мои поступки. — Она с улыбкой обернулась к Вентерсу. — Вы зайдёте, Берн, и Ласситер зайдёт. Будем есть и веселиться, пока можем.

— Я всё думаю, не поднимут ли Талл со своими бурю там, внизу, в селении, — сказал Ласситер, в последней слабеющей попытке отказаться.

— Да, он поднимет бурю — после того, как помолится, — ответила Джейн. — Идёмте.

Она пошла вперёд, перекинув поводья коня Ласситера через руку. Они вошли в рощу и пошли по широкой тропе, что осеняли огромные, низко раскинувшие ветви тополя. Последние лучи заходящего солнца пробивались сквозь листву золотыми полосами. Трава была густой и сочной — желанный отдых для глаз, уставших от полыни. Щебечущие перепела перебежали тропу, а где-то в кроне дерева малиновка выводила вечернюю песнь, и в неподвижном воздухе плыла свежесть и негромкий говор бегущей воды.

Дом Джейн Уизерстин стоял в кольце тополей и представлял собой приземистое, длинное строение из красного камня, с крытым двором посередине, через который струился живой ручей янтарной воды. В массивных каменных кладках, в тяжёлых балках, в надёжных дверях и ставнях сказывалась рука человека, что строил на века, назло грабежу и времени; а в цветах и мхах, что окаймляли устланное камнем русло ручья, в ярких красках ковров и одеял, устилавших пол двора, в уютном уголке с гамаком, книгами и столе с чистым бельём — сказывалась изящная рука дочери, что жила ради счастья и нынешнего дня.

Джейн отпустила коня Ласситера на густую траву.

— Вам ведь захочется, чтобы он был поблизости, — сказала она, — не то я велела бы отвести его на люцерновые поля.

На её зов явились женщины и тотчас захлопотали, торопливо снует туда-сюда, накрывая на стол. Затем Джейн, извинившись, ушла в дом.

Она прошла через огромную низкую залу, похожую нутром на форт, дальше — в комнату поменьше, где в старом открытом очаге пылал яркий огонь, а оттуда — в свою собственную комнату. В ней царил тот же уют, что и во дворе, но было теплее и богаче мягкими красками.

Редко случалось Джейн Уизерстин войти в свою комнату, не взглянув в зеркало. Она знала, что любит отражение той красоты, забыть о которой ей не давали с самого раннего детства. Родные и друзья, а позже — целый сонм мормонских и иноверных поклонников — раздували в ней пламя природного тщеславия. Так что в двадцать восемь лет она почти не задумывалась о том благотворном влиянии, что имела в маленькой общине, где отец, по сути, оставил её милостивой владелицей земель, — куда больше её занимали мечта, уверенность и обольщение собственной красотой. Однако на этот раз она вглядывалась в зеркало не с обычным довольным намерением, без обычной лёгкой, осознанной улыбки. Ибо думала она не только о желании казаться прекрасной в собственных глазах, в глазах своей подруги; она гадала, покажется ли она прекрасной глазам этого Ласситера — человека, чьё имя пересекло дикие каменные пустоши и полынные равнины, этого тихого человека с печальным лицом, который так ненавидел и убивал мормонов. Теперь ею управляла вовсе не привычная, полуосознанная тщеславная одержимость, когда она поспешно сменила дорожное платье на белое и долго вглядывалась в статную фигуру с её милостивыми очертаниями, в прекрасное лицо с твёрдым подбородком и полными, решительными губами, в тёмно-синие, гордые и страстные глаза.

«Если б я как-нибудь удержала его здесь на несколько дней, на неделю — он больше никогда не убьёт мормона», — размышляла она. «Ласситер!.. Меня пробивает дрожь, стоит подумать об этом имени, о нём самом. Но стоит взглянуть на этого человека, и я забываю, кто он, — он мне почти нравится. Я помню только, что он спас Берна. Он страдал. Хотела бы я знать, что это было, — любил ли он когда-то мормонку? Как славно он вступился за нас, бедных, непонятых! Он что-то знает — что-то очень многое».

Джейн Уизерстин вернулась к гостям и пригласила их к столу. Отпустив прислужницу, она сама подавала им кушанья. Ужин вышел обильным, а общество — странным. По правую руку от неё сидел оборванный, полуголодный Вентерс; и хотя даже слепому было бы видно, что значил он для её счастья, он всё же выглядел мрачным изгоем, каким сделала его верность ей, и над ним нависла тень гибели, что предрёк Талл. По левую её руку сидел облачённый в чёрную кожу Ласситер, похожий на человека во сне. В нём не было ни голода, ни спокойствия, ни охоты говорить, и когда он то и дело беспокойно поводил плечами, тяжёлые револьверы, которые он так и не снял, стукались о ножки стола. Если бы и можно было иначе позабыть о присутствии Ласситера, эти выразительные маленькие толчки не дали бы этого сделать. А Джейн Уизерстин говорила, и улыбалась, и смеялась со всей ослепительной игрой губ и глаз, на какую способна прекрасная, отважная женщина, добивающаяся своей цели.

Когда ужин закончился и мужчины отодвинули стулья, она склонилась ближе к Ласситеру и посмотрела ему прямо в глаза.

— Зачем вы приехали в Коттонвудс?

Её вопрос будто разрушил некие чары. Всадник поднялся, точно вдруг вспомнил о себе и задержался дольше обыкновенного.

— Мэм, я обыскал всю южную Юту и Неваду в поисках... кой-чего. И через ваше имя я узнал, где это найти, — здесь, в Коттонвудсе.

— Моё имя! Ах да, помню. Вы ведь знали моё имя, когда впервые заговорили. Что ж, скажите мне, где вы его слышали и от кого?

— В маленьком селении... Глейз, кажется, оно называется, — милях в пятидесяти к западу отсюда, а то и больше. Услыхал от иноверца, всадника, что сказал, будто вы знаете, где сказать мне найти...

— Что? — властно потребовала она, когда Ласситер осёкся.

— Могилу Милли Эрн, — тихо ответил он, и слова эти дались ему с натугой.

Вентерс резко обернулся в кресле, вглядываясь в Ласситера с изумлением, а Джейн медленно выпрямилась, вся в белом, застыв в немом недоумении.

— Могилу Милли Эрн? — эхом отозвалась она шёпотом. — Что вы знаете о Милли Эрн, моей самой любимой подруге, что умерла у меня на руках? Кем вы ей приходились?

— Разве я заявлял, что кем-то ей прихожусь? — спросил он. — Я знаю людей — родню, — что давно хотели узнать, где она похоронена, вот и всё.

— Родню? Она никогда не говорила о родне, кроме брата, которого застрелили в Техасе. Ласситер, могила Милли Эрн — на тайном кладбище на моей земле.

— Вы отведёте меня туда?.. Этим вы оскорбите мормонов ещё сильнее, чем тем, что преломили со мной хлеб.

— Да, конечно, но я это сделаю. Только нужно пойти незаметно. Быть может, завтра.

— Благодарю вас, Джейн Уизерстин, — ответил всадник и, поклонившись ей, попятился со двора.

— Вы не останетесь... не переночуете под моей крышей? — спросила она.

— Нет, мэм, и снова спасибо. Я никогда не сплю под крышей. А даже если б и спал — там, внизу, в селении, собирается буря. Нет, нет. Я пойду в долину. Надеюсь, вам не придётся расплачиваться за вашу доброту ко мне.

— Ласситер, — сказал Вентерс с горькой усмешкой, — моя постель тоже в полыни. Может, мы там и встретимся.

— Может, и так. Да только полынь широка, а меня рядом не будет. Доброй ночи.

На тихий свист Ласситера вороной конь заржал и осторожно, на ошупь двинулся из рощи. Всадник не стал взнуздывать его, а пошёл рядом, ведя коня прикосновением руки, и вместе они медленно скрылись в тени тополей.

— Джейн, мне пора уходить, — сказал Вентерс. — Отдай мне оружие. Будь у меня оружие сегодня...

— Тогда либо мой друг, либо старейшина моей церкви лежал бы сейчас мёртвым, — перебила она.

— Уж точно Талл.

— О, ты, свирепая, дикая душа! Неужели я не могу научить тебя терпению, милосердию? Берн, прощать врагов — это божественно. «Да не зайдёт солнце во гневе твоём».

— Довольно! Не говори мне больше о милосердии и вере — после сегодняшнего. Сегодня этот странный приход Ласситера оставил меня ещё мужчиной, и теперь я умру мужчиной!.. Дай мне оружие.

Молча она ушла в дом и вернулась с тяжёлым патронташем, набитой кобурой и длинной винтовкой; она протянула ему всё это, и пока он застёгивал пояс, стояла перед ним в красно-речивом молчании.

— Джейн, — сказал он мягче, — не смотри так. Я не собираюсь убивать твоего церковника. Я постараюсь избегать и его, и всех его людей. Но неужели ты не видишь, что я дошёл до края? Джейн, ты удивительная женщина. Не было ещё женщины столь же бескорыстной и доброй. Только ты слепа в одном... Слушай!

Из-за рощи донёсся стук копыт — кони шли быстрой рысью.

— Кто-то из твоих всадников, — продолжал он. — Пора ночной смены. Пойдём к скамье в роще, там поговорим.

На открытом месте было ещё светло, но под раскидистыми тополями тени уже застилали проходы. Вентерс увлёк Джейн с одной из этих троп на тропинку, обсаженную кустарником, — как раз такую, чтобы двоим идти рядом, — и окольным путём увёл её далеко от дома, к пригорку на краю рощи. Здесь, в укромном уголке, стояла скамья, откуда сквозь просвет в кронах виднелся полынный склон, и стена скал, и смутные линии каньонов. Джейн не проронила ни слова с тех пор, как Вентерс поразил её своей первой резкой речью; но всю дорогу она держалась за его руку, и теперь, когда он остановился и прислонил винтовку к скамье, она всё ещё держалась за него.

— Джейн, боюсь, мне придётся тебя покинуть.

— Берн! — вскрикнула она.

— Да, похоже, дело к тому идёт. Моё положение незавидное — я не могу чувствовать себя правым — я всё потерял...

— Я отдам тебе всё, что ты...

— Послушай, прошу. Говоря о потере, я не то имею в виду, что ты думаешь. Я говорю о потере доброго расположения, доброго имени — того, что позволило бы мне без горечи держаться в этом селении. Что ж, теперь уже поздно... Что до будущего, думаю, тебе лучше всего отказаться от меня. Талл непримирим. Тебе бы следовало понять это по его сегодняшним намерениям, но... ты не можешь это увидеть. Твоя слепота — твоя проклятая вера!.. Джейн, прости меня — во мне саднит рана, и что-то в ней гноится. Что ж, боюсь, эта невидимая рука обратит свою тайную работу на твою гибель.

— Невидимая рука? Берн!

— Я говорю о твоём епископе. — Вентерс произнёс это намеренно и не отпустил её, когда она отпрянула. — Он — закон. Указ вышел, чтобы погубить меня. Что ж, посмотри на меня! Теперь он выйдет, чтобы принудить тебя к воле Церкви.

— Ты несправедлив к епископу Дайеру. Талл суров, я знаю. Но ведь он много лет был влюблён в меня.

— О, твоя вера и твои оправдания! Ты не можешь видеть то, что знаю я, — а если б и увидела, не признала бы этого, хоть спасай этим свою жизнь. Вот она, мормонка в тебе. Эти старейшины и епископы пойдут на любое дело, лишь бы строить и дальше власть и богатство своей церкви, своей империи. Подумай, что они сделали с иноверцами здесь, со мной, — подумай о судьбе Милли Эрн!

— Что тебе известно о её истории?

— Я знаю достаточно — всё, пожалуй, кроме имени того мормона, что привёз её сюда. Но довольно об этом.

Она в ответ сжала его руку. Он помог ей сесть рядом на скамью. И почтил молчанием, в котором угадал глубокое женское чувство, недоступное его пониманию.

Это было мгновение, когда последние багряные отблески заката вспыхивают ярче на миг, прежде чем уступить сумеркам. И для Вентерса раскинувшийся перед ним вид был в чём-то схож с ощущением его собственного будущего, и пытливым взглядом он вглядывался в прекрасную пурпурную, пустынную долинную даль. Здесь были неизвестность и опасность. Вся картина представлялась Вентерсу диким, суровым и величественным проявлением природы. И так же, как она чем-то напоминала ему о его жизненных видах, так вдруг стала она напоминать сидящую рядом женщину — только в ней было больше красоты и опасности, тайны неразрешимее, и что-то безымянное, что леденило его сердце и туманило взор.

— Гляди! Всадник! — воскликнула Джейн, прерывая молчание. — Не Ласситер ли это?

Вентерс снова перевёл взгляд на запад. Тёмным пятном на горизонте выступил всадник, затем слился с цветом долины.

— Может быть. Но я думаю, нет — тот, кажется, ехал сюда. Скорее, один из твоих всадников. Да, теперь я вижу его ясно. И вон ещё один.

— Я их тоже вижу.

— Джейн, твоих всадников будто столько же, сколько кустов долины. Вчера я наткнулся на пятерых, там, у самой тропы к проходу Десепшн. Они были с белым стадом.

— Ты всё ещё едешь в тот каньон? Берн, лучше бы ты не ездил. Олдринг со своими угонщиками живёт где-то там, внизу.

— Ну и что с того?

— Талл уже намекал на твои частые поездки в проход Десепшн.

— Знаю. — Вентерс коротко рассмеялся. — Скоро он сделает из меня скотокрада. Но, Джейн, отсюда пятьдесят миль нет воды, а ближайшая — в каньоне. Мне нужно напиться самому и напоить коня. Вот! Ещё всадники. Они выезжают.

— Красное стадо на склоне, к Проходу.

Сумерки быстро сгущались. Отряд всадников пересёк тёмную полосу низины, становясь отчётливее, когда поднимался по склону. Тишину разорвал ясный оклик подъезжающего всадника, и почти как трубный зов охотничьего рога, донёсся ответный клич. Выезжающие всадники двигались стремительно, резко обозначились, поднявшись на гребень, — дикие и чёрные над горизонтом, — а затем спустились, растворяясь в пурпуре долины.

— Надеюсь, они не встретят Ласситера, — сказала Джейн.

— И я надеюсь, — ответил Вентерс. — К этому часу всадники ночной смены уже знают, что случилось сегодня. Но Ласситер, скорее всего, будет держаться от них подальше.

— Берн, кто такой Ласситер? Для меня он всего лишь имя — страшное имя.

— Кто он? Не знаю, Джейн. Никто из тех, кого я встречал, его не знает. Говорит немного по-техасски, как Милли Эрн. Ты заметила это?

— Да. Как странно, что он знал о ней! А ведь она прожила здесь десять лет и уже два года как умерла. Берн, что тебе известно о Ласситере? Расскажи, что он натворил — почему ты сказал Таллу, что станешь ещё одним Ласситером?

— Джейн, я лишь слышал кое-что — слухи, рассказы, большей части которых не верил. В Глейзе его имя было известно, но никто из знакомых мне всадников или владельцев ранчо там его в глаза не видел. В Стоун-Бридже я о нём и не слыхал. Но в Стерлинге и селениях к северу о нём говорили часто. Я не бывал в селении, которое бы он посещал. Ходило много противоречивых рассказов о нём и его делах. Одни говорили, что он расстрелял то или иное мормонское селение, другие это отрицали. Я склонен верить, что расстрелял, — а ты знаешь, как мормоны умеют скрывать правду. Но было одно, в чём сходились все, — что он то, что здешние всадники зовут стрелком. Человек с поразительной быстротой и меткостью в обращении с кольтом. А теперь, увидев его сам, я знаю больше. Ласситер родился без страха. Я наблюдал за ним глазами, что видели в нём друга. Никогда не забуду то мгновение: я сразу узнал его по излюбленной позе перед выхватом оружия, о которой мне столько рассказывали. Тогда-то я и выкрикнул его имя. Думаю, этот крик спас Таллу жизнь. Во всяком случае, я знаю: между Таллом и смертью в тот миг не было и волоска. Шевельни он или кто из его людей хоть пальцем вниз...

Вентерс не договорил, но от одного намёка Джейн вздрогнула.

Бледное зарево на западе меркло, сливаясь сумерками с ночью. Долина теперь раскинулась чёрная и угрюмая. Одна тусклая звезда замирала в юго-западном небе. Стук копыт стих, и тишину нарушал лишь слабый, сухой шелест тополиных листьев на мягком ночном ветру.

В этот покой и тишь вдруг ворвался пронзительный лай койота, и издалека, из темноты, донёсся слабый ответный отклик спутницы.

— Слышишь, долинские псы лают, — сказал Вентерс.

— Не люблю их слушать, — отозвалась Джейн. — Ночью, когда я порой лежу без сна, слушая этот долгий вой, или отрывистый лай, или дикий крик, я думаю о тебе, спящем где-то в долине, и сердце моё щемит.

— Джейн, слаще этой музыки не сыскать, да и постели лучше мне не надо.

— Только подумать! У таких людей, как Ласситер и ты, нет ни дома, ни удобства, ни отдыха, ни места, где приклонить усталую голову. Что ж!.. Наберёмся терпения. Гнев Талла может остыть, и время нам поможет. Ты мог бы оказать какую-нибудь услугу селению — как знать? Предположим, ты нашёл бы давно неведомое укрытие Олдринга с его бандой и сказал об этом моим всадникам? Это разбило бы гадкие намёки Талла и вернуло бы тебе доброе имя. Годами мои всадники выслеживали следы украденного скота. Ты не хуже меня знаешь, как дорого нам обходятся наши пастбища в этом диком краю. Олдринг угоняет наш скот в лабиринт обманчивых каньонов, а где-то далеко на севере или востоке выгоняет его на рынки Юты. Если ты проведёшь время в проходе Десепшн, попробуй найти эти тропы.

— Джейн, я уже думал об этом. Попробую.

— Мне пора идти. И это мучительно, ведь теперь я никогда не могу быть уверена, что увижу тебя снова. Но завтра, Берн?

— Завтра непременно. Буду ждать Ласситера и въеду в селение вместе с ним.

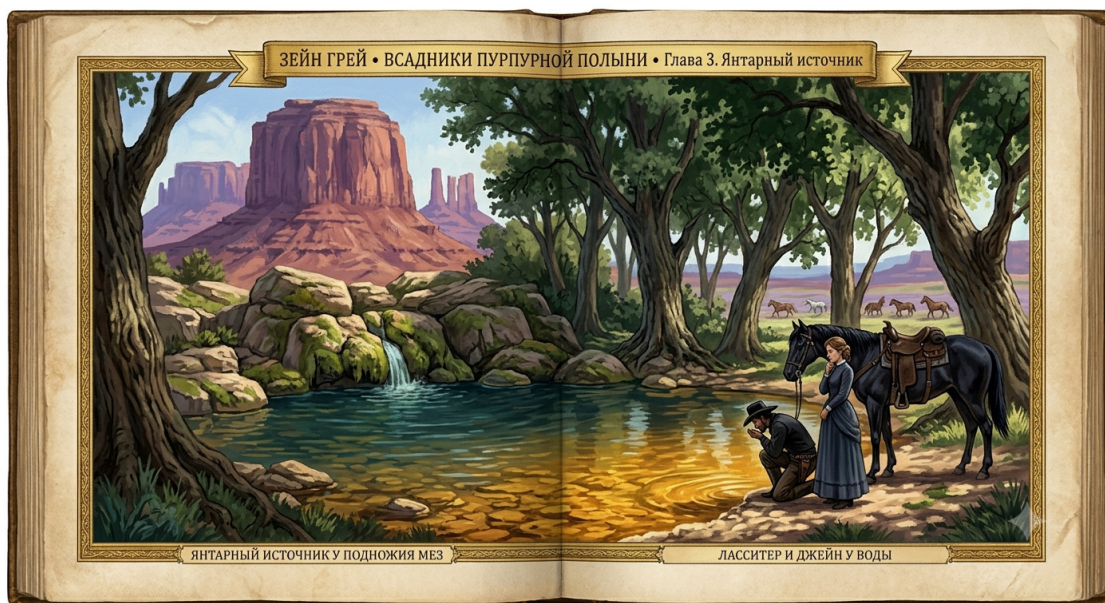
— Доброй ночи.

Затем она оставила его и пошла прочь — белая, скользящая фигура, что вскоре растаяла в тенях.

Вентерс подождал, пока не услышал слабый стук закрывшейся двери, убедивший его, что она добралась до дома, а затем, подхватив винтовку, бесшумно скользнул сквозь кусты, вниз с пригорка и дальше, под тёмными деревьями, к краю рощи. Небо теперь переходило из

серого в синее; звёзды начинали пробиваться сквозь прежнюю черноту; и с широкого плоского простора перед ним веял прохладный ветер, благоухающий дыханием полыни. Держась ближе к краю тополиной рощи, он быстро и бесшумно двинулся на запад. Роща тянулась долго, и он ещё не дошёл до её конца, когда услышал нечто, заставившее его остановиться. Тихий, глухой перестук подсказал ему, что сюда приближаются кони. Он опустил в темноте, выжидая, вслушиваясь. Куда раньше, чем он рассчитывал, судя по звуку, к его изумлению, он различил всадников совсем рядом. Они ехали вдоль края полыни, и он тотчас понял: копыта коней обмотаны, чтобы заглушить стук. Бледный звёздный свет позволил ему смутно различить всадников. Но глаза его были зорки и привычны к темноте, и, взглядевшись пристальнее, он узнал грузную фигуру и чернобородое лицо Олдринга и гибкий, стройный облик лейтенанта угонщика — всадника в маске. Они проехали мимо; тьма поглотила их. Затем, дальше, в полыни, почти беззвучно, точно призраки, проехал тёмный, плотный отряд всадников — и тоже растаял в ночи.

Глава III. Янтарный Источник

Не было ничего необычного в том, что Олдринг с несколькими своими людьми наведывался в Коттонвудс среди бела дня, но чтобы он крался в темноте, обмотав копыта коней, — это означало, что затевается недоброе. Более того, Вентерсу присутствие всадника в маске рядом с Олдрингом показалось особенно зловещим. Ибо вокруг этого человека царила тайна: он редко проезжал через селение, а если и проезжал, то стремительно; всадники редко встречались днём в полыни, но где бы он ни проехал, за ним всегда тянулись дела столь же тёмные и загадочные, как и маска, которую он носил. Банда Олдринга не ограничивалась угоном скота.

Вентерс лежал притаившись в тени тополей, обдумывая эту случайную встречу, и немало времени прошло, прежде чем он счёл безопасным двинуться дальше. Затем, внезапно решившись, он повернул в другую сторону и пошёл обратно вдоль рощи. Дойдя до тропы, что вела к дому Джейн, он решил спуститься в селение. И он поспешил вперёд быстрыми, мягкими шагами. Миновав рощу, он вышел на единственную улицу. Она была широкой, обсаженной высокими тополями, и под каждым рядом деревьев, за пешеходной тропой, тянулись канавы, по которым бежала вода из источника Джейн Уизерстин.

Между деревьями мерцали огоньки свечей в домах, а дальше пылали яркие окна лавок селения. Подойдя ближе, Вентерс увидел кучки мужчин, стоявших вместе в серьёзной беседе. Обычного слоняющегося без дела люда на углах, скамьях и крыльцах не было видно. Держась в тени, Вентерс подходил всё ближе и ближе, пока не расслышал голоса. Но разобрать слова не мог. Он узнавал многих мормонов и напряжённо высматривал Талла с его людьми, но тщетно. Вентерс заключил, что угонщики не проезжали по улице селения. Без сомнения, эти серьёзные люди обсуждали приезд Ласситера. Но Вентерс был почти уверен, что намерения Талла на его счёт в тот день не были и не будут раскрыты.

Так что Вентерс, видя, что узнать больше нечего, повернул обратно. Церковь стояла тёмная, дом епископа Дайера рядом с ней — тоже тёмный, как и домик Талла. В любой другой вечер в этот час там горели бы огни, и Вентерс отметил это необычное отсутствие света.

Уже выходя с улицы, чтобы обогнуть рощу, он снова пригнулся, заслышав рысь коней. Вскоре он различил двух всадников, скачущих к нему навстречу. Он прижался к тени дерева. Звёздный свет, теперь ставший ярче, снова помог ему, и он разглядел могучую фигуру Талла,

а рядом с ним — коротенькую, приземистую, как у лягушки, фигуру всадника Джерри. Они молчали и проехали мимо, скрывшись из виду.

Вентерс шёл своей дорогой с озабоченным, мрачным умом, перебирая события минувшего дня, пытаясь угадать, что зреет в ночи. Мысли одолевали его. Там, в тёмной роще, жила женщина, что была ему другом. А он крадётся вокруг её дома, украдкой сжимая оружие, точно индеец, — человек без места, без народа, без цели. Над ней нависла тень мрачной, скрытой, тайной власти. Ни одна королева не раздавала бы столь щедро из своей обильной казны, как Джейн Уизерстин раздавала своему народу — и тем несчастным, кого её народ ненавидел. Она просила лишь того божественного права, что причитается всем женщинам, — свободы: любить и жить так, как велит сердце. И всё же молитва её и надежда были напрасны.

«Годами я вижу, как над ней и над селением Коттонвудс собирается гроза, — бормотал Вентерс, шагая дальше. — Скоро она разразится. Мне не по нраву эти виды на будущее». В ту ночь селяне шептались на улице — а ночные всадники-угонщики обматывали копыта коней — а Талл втайне вершил свои дела — а там, в полыни, скрывался человек, что нёс с собой нечто ужасное, — Ласситер!

Вентерс миновал тёмные тополя и, войдя в полынь, начал подниматься по отлогому склону. Он держал направление на западную звезду. Время от времени он останавливался прислушаться и слышал лишь привычный лай койота, да шум ветра, да шелест полыни. Вскоре справа от него смутно вырисовалась низкая груда камней, и, повернув туда, он тихо свистнул. Из камней выскользнул пёс, что запрыгал вокруг него, поскуливая. Он вскарабкался по неровным, разбитым камням, осторожно выбирая путь, а затем спустился вниз. Здесь было темнее и не так дуло ветром. Белое пятно указало ему путь. Это была другая собака, спящая, свернувшись клубком между седлом и вьюком. Пёс проснулся и стукнул хвостом в знак приветствия. Вентерс положил седло вместо подушки, завернулся в одеяла, лицом кверху, к звёздам. Белый пёс прижался к нему поближе. Другой заскулил и прошлёпал несколько шагов к возвышению, где улёгся на страже. И в этом диком укрытии Вентерс закрыл глаза под огромными белыми звёздами и глубокой сводчатой синевой, с горечью сравнивая их одиночество со своим собственным, и уснул.

Когда он проснулся, уже рассвело, и всё вокруг было светло-стальным. В воздухе стоял холодный привкус. Поднявшись, он приветствовал ласкающихся собак и размял затёкшее тело, а затем, собрав пучки сухих полынных веток, развёл костёр. Полоски вяленого мяса, подержанные над огнём, послужили завтраком ему и собакам. Он напился из фляги. Больше в его снаряжении ничего не было; он уже привык к скудному костру. Затем он сел у огня, раскрыв ладони к теплу, и стал ждать. Ожидание было его главным занятием на протяжении месяцев, и он и сам едва понимал, чего ждёт, — разве что течения часов. Но теперь он предчувствовал скорое действие; день сулил новую встречу с Ласситером и Джейн, быть может, вести об угонщиках; а завтра он собирался взять след к проходу Десепшн.

И пока он ждал, он разговаривал со своими псами. Он звал их Ринг и Уайти; это были овчарки, наполовину колли, наполовину дирхаунды, превосходно сложенные, отлично выученные. Казалось, при всех превратностях его судьбы эти псы понимали, чего они для него стоят, и сообразно этому распределяли свою привязанность и преданность. Уайти смотрел на него мрачными глазами, полными любви, а Ринг, притаившись на небольшом возвышении неподалёку, нёс неустанную стражу. Когда взошло солнце, белый пёс сменил другого на посту, а Ринг улёгся спать у ног хозяина.

Понемногу Вентерс скатал одеяла, связал их вместе со своим скудным вьюком, а затем выбрался наверх поискать коня. Вскоре он увидел его — неподалёку, в полыни, — и пошёл за ним. В этом краю, где каждый всадник хвалился добрым конём и жаждал скачки, где чистокровки паслись на дивных пастбищах, Вентерс ездил верхом на коне, что был печальным свидетелем его невзгод.

Затем, привалившись спиной к камню, Вентерс обратился лицом к востоку и, с прутиком в праздной руке, стал ждать. Великолепный солнечный свет наполнил долину пурпурным пламенем. Перед ним, слева, справа, волнуясь, катясь, опускаясь, поднимаясь, точно низкие валы пурпурного моря, простиралась полынь. Из рощи тополей, зелёного пятна на пурпуре, тускло-красным отблескивал старый каменный дом Джейн Уизерстин. А оттуда тянулась широкая зелень садов и огородов селения, отмеченная стройными тополями; а дальше сияло тёмное, густое богатство люцерновых полей. Бесчисленные красные, чёрные и белые крапинки пестрели полынь — это были коровы и лошади.

Так, наблюдая и ожидая, Вентерс дал времени истечь. Наконец он увидел коня, поднявшегося над гребнем, и узнал в нём вороного Ласситера. Вздравшись на самый высокий камень, чтобы обозначиться на фоне неба, он встал и замахал шляпой. Почти мгновенный разворот коня Ласситера подтвердил остроту глаза этого всадника. Затем Вентерс спустился, оседлал коня, привязал выюк и, сказав словечко своим псам, уже собирался выехать навстречу Ласситеру, но передумал и решил подождать его здесь, на возвышении, откуда открывался хороший обзор.

Давно Вентерс не испытывал дружеского приветствия от мужчины. Ласситер отогрел в нём то, что успело остыть от заброшенности. И когда он ответил тем же — крепким пожатием железной руки, что держала его собственную, — и встретил серые глаза, он понял: они с Ласситером станут друзьями.

— Вентерс, давай потолкуем немного, прежде чем спускаться туда, — сказал Ласситер, спуская поводья. — Я не тороплюсь. Славные у тебя псы. — Взглядом всадника он оценил стати коня Вентерса, но своих мыслей не высказал. — Ну что, случилось чего после того, как я тебя вчера оставил?

Вентерс рассказал ему об угонщиках.

— Я был надёжно укрыт в полыни, — ответил Ласситер, — и никого не видел и не слышал. Олдринг тут, видать, крепко держит верх. Не новость по всей Юте, как он хоронится в каньонах и следов не оставляет. — Ласситер помолчал мгновение. — Мы с Олдрином не были совсем уж чужими друг другу несколько лет назад, когда он гонял скот к переправе Бостила, у истоков Рио-Вирхин. Но там его прижали, и теперь он гоняет скот куда-то в другое место.

— Ласситер, ты его знал? Скажи, он мормон или иноверец?

— Не скажу точно. Знавал я мормонов, что притворялись иноверцами.

— Ни один мормон не станет так притворяться, разве что если он угонщик, — заявил Вентерс.

— Может, и так.

— Тяжёлый это край для всякого, но тяжелее всего для иноверцев. Знавал ты хоть одного иноверца, что процветал бы среди мормонов?

— Не знавал.

— Что ж, я хочу выбраться из Юты. У меня мать жива, в Иллинойсе. Хочу домой. Уже восемь лет прошло.

Сочувствие пожилого мужчины побудило Вентерса рассказать свою историю. Он уехал из Куинси, сбежал искать удачи на золотых приисках, но так и не добрался дальше Солт-Лейк-Сити, скитался тут и там — то помощником, то возчиком, то пастухом — и постепенно двинулся на юг, через водораздел, через пустоши, вверх по суровому плато, через перевалы, к самым дальним пограничным поселениям. Здесь он стал всадником полыни, обзавёлся собственным скотом и некоторое время процветал, пока случай не привёл его на службу к Джейн Уизерстин.

— Ласситер, остальное тебе рассказывать незначем.

— Что ж, для меня это не новость. Я знаю мормонов. Я видел странную любовь их женщин, и терпение, и жертвенность, и молчание, и то, что я называю безумием во имя их пред-

ставления о Боге. А напротив этого я видел уловки мужчин. Они действуют заодно, все вместе, во тьме. Ни один человек не выстоит против них, если не возьмётся таскать оружие. Ведь мормоны не скоры на убийство. Это единственное доброе, что я когда-либо видел в их вере. Вентерс, поверь мне на слово: у этих мормонов не всё в порядке с головой. Иначе разве мог бы мормон жениться на второй женщине, уже имея жену, да ещё называть это долгом?

— Ласситер, ты думаешь так же, как я, — отозвался Вентерс.

— Как же тогда вышло, что ты ни разу не наставил ствол на Талла или кого из них? — с любопытством спросил всадник.

— Джейн умоляла меня, просила быть терпеливым, закрывать глаза. Она даже забрала у меня оружие. Я всё потерял, прежде чем успел опомниться, — ответил Вентерс, и краска бросилась ему в лицо. — Но, Ласситер, послушай. Из этого крушения я спас винчестер, два кольта и вдоволь патронов. Я перенёс всё это в проход Десепшн. Там, почти каждый день на протяжении полугода, я упражнялся с винтовкой, пока ствол не жёг мне руки. Отрабатывал выхват — стрельбу из кольта — час за часом!

— Вот это мне уже интересно, — сказал Ласситер, резко вскинув голову и сосредоточив на Вентерсе серый взгляд. — Умел ты выхватывать оружие ещё до того, как начал эти упражнения?

— Умел. А теперь... — Вентерс сделал молниеносное движение.

Ласситер улыбнулся, а затем его обожжённые солнцем веки сузились, пока глаза не превратились в узкие серые щели.

— Ты убьёшь Талла! — Он не спрашивал — он утверждал.

— Я обещал Джейн Уизерстин, что постараюсь избегать Талла. Я сдержу слово. Но рано или поздно мы с Таллом столкнёмся. Как я сейчас настроен — стоит ему хоть взглянуть на меня, и я выхватываю оружие!

— Полагаю, так и будет. Там, внизу, скоро будет сущий ад. — Он помолчал мгновение, стегнул хлыстом по кусту полыни. — Вентерс, раз уж ты и так изрядно взвинчен, расскажи мне историю Милли Эрн.

Волнение Вентерса улеглось перед тенью подавляемого нетерпения в вопросе Ласситера.

— Историю Милли Эрн? Что ж, Ласситер, расскажу, что знаю. Милли Эрн жила в Коттонвудсе уже не первый год, когда я туда приехал, и большая часть того, что я расскажу, случилась ещё до меня. Я узнал её довольно хорошо. Она была хрупкой, тщедушной женщиной, помешанной на вере. У меня сложилась мысль, которую я никогда не высказывал вслух, — что в глубине души она была скорее иноверкой, чем мормонкой. Но она слыла мормонкой, и уж точно у неё были замкнутые уста, как у всякой мормонки. Ты знаешь, в каждом мормонском селении есть женщины, что кажутся нам загадочными, но вокруг Милли тайны было больше обычного. Когда она приехала в Коттонвудс, у неё была красивая маленькая девочка, которую она страстно любила. Открыто в Коттонвудсе Милли не считалась мормонской женой. Но что она в самом деле была мормонской женой, я не сомневаюсь. Может, другая жена или жёны того мормона не желали её признавать. Такое случается в этих селениях. Мормонские жёны носят ярмо, но и они бывают ревнивы. Что бы ни привело Милли в этот край — любовь или религиозное безумие, — она в этом раскаялась. Она бросила учить в сельской школе. Ушла из церкви. И начала бороться против мормонского воспитания для своей девочки. Тогда мормоны стали закручивать гайки — медленно, как это у них заведено. В конце концов ребёнок исчез. По слухам — «потерялся». Дитя украли, я это знаю. Как и ты. Это сломило Милли Эрн. Но она жила надеждой. Стала рабыней. Изводила сердце, душу и самую жизнь, чтобы вернуть дочь. Больше она о ней не слышала ничего. И тогда она угасла... Я вижу её как сейчас — хрупкое создание, такое прозрачное, что, казалось, сквозь неё можно было смотреть, — белая, как пепел, — и глаза её!.. Её глаза всегда преследовали меня. У неё был один настоящий друг — Джейн Уизерстин. Но Джейн не могла исцелить разбитое сердце, и Милли умерла.

Несколько мгновений Ласситер не проронил ни слова и не повернул головы.

— Этот человек! — воскликнул он наконец сдавленным голосом.

— Понятия не имею, кто был тот мормон, — ответил Вентерс. — И никто из иноверцев в Коттонвудсе не имеет.

— А Джейн Уизерстин знает?

— Знает. Но и калёным железом это имя из неё не выжечь!

Не проронив больше ни слова, Ласситер тронулся в путь, ведя коня в поводу, и Вентерс со своими псами последовал за ним. Через полмили спуска они вошли в пышные заросли ив и вскоре оказались на открытой поляне, устланной травой, точно густым зелёным бархатом. Их слух наполнили шум бегущей воды и птичье пение. Вентерс подвёл товарища к тенистой беседке и показал ему Янтарный Источник. Это был великолепный поток чистой янтарной воды, бьющий из тёмного, выложенного камнем отверстия. Ласситер опустился на колени и напился, задержался, чтобы напиться ещё раз. Он не сказал ни слова, но Вентерс и не нуждался в словах. После своего коня всадник полыни больше всего на свете любил источник. А этот источник был самым прекрасным и удивительным из всех, что знали нагорные всадники южной Юты. Именно этот источник сделал старого Уизерстина феодальным владыкой, а теперь позволял его дочери возвращать долг, что некогда отец её взимал с тружеников полыни.

Источник бил бурлящим потоком и весело мчался вниз, прокладывая себе стремительный путь вдоль русла, обрамлённого ивами. Мох, папоротники и лилии свешивались над его зелёными берегами. Если не считать грубо отёсанных камней, что удерживали и направляли воду, эта ивовая чаща и поляна были оставлены такими, какими их создала природа.

Ниже располагались три искусственных пруда, один над другим, обвалованные насыпями земли, а вокруг них поднимались высокие, зеленолиственные стволы тополей. Утки испещряли зеркальную гладь прудов; голубая цапля неподвижно стояла на водном шлюзе; зимородки со стрекочущим полётом проносились вдоль тенистых берегов; белый ястреб парил в вышине; а из деревьев и кустов доносилась песнь малиновок и пересмешников. Всё это разительно отличалось от бескрайних склонов одинокой полыни и дикого скального окружения за ними. Вентерс думал о женщине, что любила птиц, и зелень листвы, и журчание воды.

Дальше по склону, чуть ниже третьего, самого большого пруда, располагались загоны, широкий каменный амбар, открытые навесы, курятники и хлева. Здесь стояли облака пыли, раздавался стук копыт, резвились жеребята и ревели ослы. Ржущие кони теснились у изгородей загон. А в маленьких окнах амбара мелькали и мотались головы гнедых, вороных и чалых коней. Когда двое мужчин вошли на огромный скотный двор, шум вокруг усилился со всех сторон. Однако этот приём не поддержали несколько работников и мальчишек, что тотчас скрылись из виду.

Вентерс и Ласситер уже поворачивали к дому, когда в проулке показалась Джейн, ведя коня. В юбке для верховой езды и блузе она словно утратила часть своей статной величавости и больше походила на девушку-наездницу, чем на хозяйку Уизерстина. Она сияла улыбкой, и приветствие её было тепло и сердечно.

— Добрые вести, — объявила она. — Я побывала в селении. Всё тихо. Я ожидала — сама не знаю чего. Но никакого волнения нет. А Талл уехал по дороге на Глейз.

— Талл уехал? — спросил Вентерс с удивлением. Он размышлял, что могло увести Талла прочь. Не для того ли, чтобы избежать новой встречи с Ласситером? Не связано ли это как-то с вероятной близостью Олдринга и его шайки?

— Уехал, да, слава богу, — ответила Джейн. — Теперь у меня будет покой, хоть ненадолго. Ласситер, я хочу показать вам своих лошадей. Вы всадник, вам судить о лошадиных статях. У некоторых моих лошадей арабская кровь. Отец добыл лучшую свою линию в Неваде, у индейцев, что утверждали, будто их кони — потомки исконной породы, оставленной испанцами.

— Что ж, мэм, та, на которой вы ездили, мне глянулась, — сказал Ласситер, обходя резвую, чисто сложенную, статную чалую кобылу.

— Где мальчики? — спросила она, оглядываясь. — Джерд, Пол, где вы? Эй, выводите лошадей.

Звук падающих внутри амбара жердей послужил сигналом для коней — они дёрнули головами в окнах, зафыркали, застучали копытами. Затем они высыпали из дверей — вереница чистокровок — заплясали по двору, вскинув головы и хвосты, разметав гривы. Они остановились поодаль, встали, разглядывая пришедших, затем медленно двинулись вперёд, приветствуя хозяйку ржанием, а незнакомцев и их коней — недоверчивым фырканьем.

— Идите... идите... идите, — звала Джейн, протягивая руки. — Да что же вы, Бэллс... Рэнгл, где ваши манеры? Идём, Чёрная Звезда... идём, Ночь. Ах вы, красавцы! Мои полынные скакуны!

К ней подошли только двое — те, кого она звала Ночью и Чёрной Звездой. Вентерс никогда не глядел на них без восхищения. Первая была мягкой, глубоко-чёрной, второй — сверкающе-чёрным, и оба были совершенно схожи размером — оба высокие и длинноногие, широкие в плечах, с гибкими, мощными ногами. То, что они были любимцами женщины, сказывалось в блеске шерсти, в тонкости гривы. Сказывалось и в свете больших глаз, и в кроткой готовности потянуться навстречу.

— Не видывал таких, — таково было одобрение Ласситера, — а на своём веку я повидал немало лошадей. Что ж, мэм, если бы вам вздумалось совершить долгую и быструю скачку через долину — скажем, бежать с возлюбленным...

Ласситер закончил на этом с суховатым юмором, но за словами крылся и смысл. Джейн зарделась и лукаво взглянула на него.

— Осторожнее, Ласситер, я могу принять это за предложение, — весело отозвалась она. — Опасно предлагать побег мормонке. Что ж, я вас ждала. Теперь как раз удобный час показать вам могилу Милли Эрн. Дневные всадники уже уехали, а ночные ещё не вернулись. Берн, что ты об этом думаешь? Стоит ли мне тревожиться? Ты же знаешь, меня приходится заставлять тревожиться.

— Что ж, для ночной смены не в обычае возвращаться так поздно, — медленно ответил Вентерс, и взгляд его искал взгляда Ласситера. — Скот обычно спокоен после темноты. Хотя, бывало, я видел, как даже койот мог всполошить твоё белое стадо.

— Я отказываюсь заранее искать беду. «Идёмте», — сказала Джейн.

Они сели верхом и, с Джейн во главе, поехали по проулку, а затем, свернув на скотью тропу, двинулись на запад. Псы Вентерса бежали следом. С этой стороны ранчо вид отличался от того, что открывался с другой; ближний план был неровным, а долина — суровее и не столь яркой красками; здесь не было тёмно-синих линий каньонов, что приковывали бы взгляд, ни вздымающихся скальных стен. Тянулась долгая пологая покатость в серую даль. Вскоре Джейн свернула с тропы прямо в долину, а затем спешила и бросила поводья. Мужчины последовали её примеру. Затем, пешком, они пошли за ней и вышли, наконец, на край невысокого обрыва. Она прошла мимо нескольких земляных бугорков и остановилась перед едва различимым холмиком. Он лежал в тени раскидистого куста долины, у самого края уступа; всадник мог бы перескочить его на коне, так и не распознав могилы.

— Здесь!

Она говорила с печалью на лице, но не предложила объяснения тому, что могила оставалась безымянной и заброшенной. У неё лежал маленький пучок бледных, душистых лавандовых маргариток, посаженных, без сомнения, самой Джейн.

— Я прихожу сюда только затем, чтобы вспомнить и помолиться, — сказала она. — Но следов не оставляю!

Могила в полыни! Как одиноко было это последнее пристанище Милли Эрн! Ни тополей, ни люцерновых полей не было видно, не было и скалы, гряды или можжевельника, что могли бы нарушить однообразие. Серые склоны, отливающие пурпуром, дикие и пустынные, с ветром, что колыхал полынь, тянулись до самого смутного горизонта.

Ласситер посмотрел на могилу, а затем в пространство. В этот миг он казался фигурой, отлитой из бронзы.

Джейн тронула Вентерса за руку и увела его назад, к лошадям.

— Берн! — воскликнула Джейн, когда они оказались вне пределов слышимости. — Что если Ласситер — муж Милли, отец той девочки, что пропала так давно!

— Может быть, Джейн. Едем дальше. Если он захочет снова нас увидеть, он придёт.

Так они сели верхом и выехали на скотью тропу, и начали подъём. С высоты гряды, откуда они начинали спуск, Вентерс оглянулся назад. Ласситера он не увидел, но взгляд его, невольно устремившийся дальше по пологому склону, уловил движущееся облако пыли.

— Гляди, всадник!

— Да, вижу, — сказала Джейн.

— Этот парень скачет во весь опор. Джейн, что-то неладно.

— О да, должно быть, так... Как он мчится!

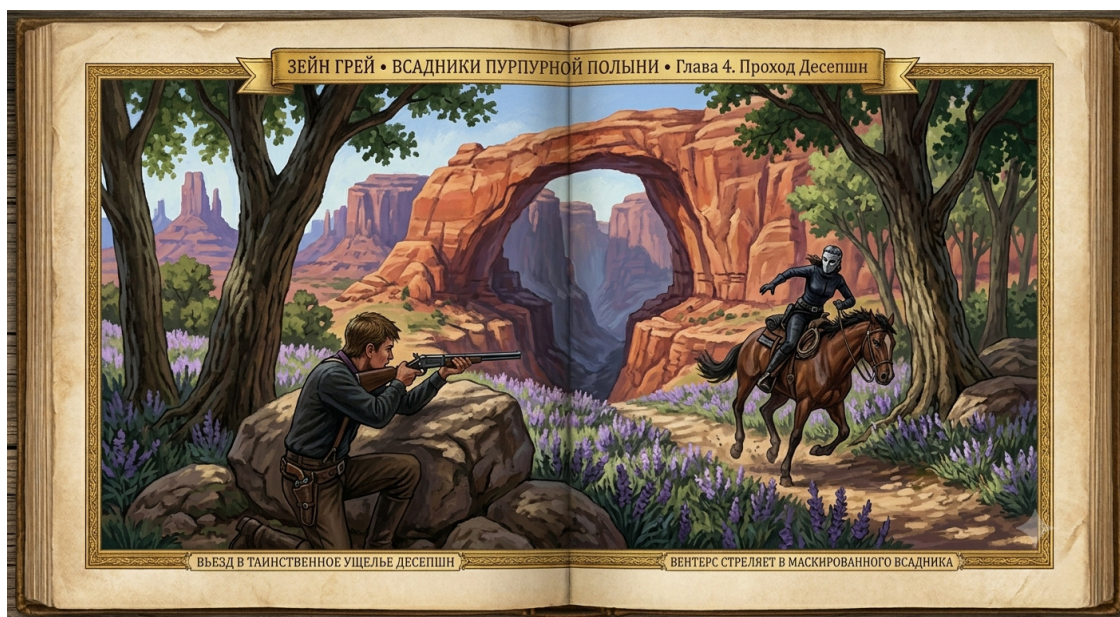
Конь скрылся в полыни, и лишь клубы пыли отмечали его путь.

— Он срезает путь напрямик — правит прямо к загонам.

Вентерс и Джейн пустили коней в галоп и осадили их у поворота проулка. Этот проулок вёл вниз, направо от рощи. Внезапно в его нижнем конце мелькнул гнедой конь. Затем Вентерс уловил частый, ритмичный стук копыт. Вскоре его острый глаз узнал раскачивание всадника в седле.

— Это Джаджинс, твой иновёрный всадник! — вскричал он. — Джейн, когда Джаджинс скачет так, это значит — беда!

Глава IV. Проход Десепшн

Всадник примчался громовым галопом и едва не швырнул наземь своего коня, покрытого пеной, в резкой остановке. Это был человек-великан с бесстрашными глазами.

— Джадкинс, вы весь в крови! — вскрикнула Джейн в испуге. — О, вас подстрелили!

— Пустяки, мисс Уизерстин. Царапнуло плечо. Я весь мокрый, да и конь взмылился, так что не всё это кровь.

— Что случилось? — резко спросил Вентерс.

— Угонщики увели красное стадо.

— Где мои всадники? — потребовала ответа Джейн.

— Мисс Уизерстин, всю ночь я был со стадом один. На рассвете нынче утром угонщики нагрянули. Начали стрелять в меня, едва завидев. Гнались за мной долго и далеко, палили не переставая, но я ушёл.

— Джад, они хотели тебя убить, — заявил Вентерс.

— Вот уж не знаю, — отозвался Джадкинс. — Хотели они меня крепко. Да только не в обычае угонщиков тратить время, гоняясь за одним всадником.

— Слава богу, что ты ушёл, — сказала Джейн. — Но мои всадники — где они?

— Не знаю. Ночной смены не было там, когда я подъехал вчера вечером, а нынче утром я не встретил ни одного дневного.

— Джадкинс! Берн, на них напали — их убили люди Олдринга!

— Не думаю, — решительно ответил Вентерс. — Джейн, твои всадники не выезжали в долину.

— Берн, что ты имеешь в виду? — Джейн Уизерстин смертельно побледнела.

— Помнишь, что я говорил о невидимой руке?

— О!.. Немыслимо!

— Хотел бы я на это надеяться. Но боюсь... — Вентерс не договорил, покачивая головой.

— Берн, ты озлоблен, но это лишь естественно. Подождём, увидим, что случилось с моими всадниками. Джадкинс, идёте со мной в дом. Нужно перевязать вашу рану.

— Джейн, я узнаю, куда Олдринг гонит стадо, — поклялся Вентерс.

— Нет, нет! Берн, не рискуй сейчас — когда у угонщиков такое настроение на стрельбу.

— Я еду. Джад, сколько голов было в том красном стаде?

— Две с половиной тысячи.

— Ого! Да на что Олдрингу столько скота? Сотня голов — уже большая кража. Нужно разузнать.

— Не езд, — взмолилась Джейн.

— Берн, тебе нужен конь, что умеет бегать. Мисс Уизерстин, если позволите совет, — заставьте его взять быстрого коня, или вовсе не пускайте.

— Да, да, Джадкинс. Ему нужен конь, которого не поймать. Который же — Чёрная Звезда? Ночь?

— Джейн, я не возьму ни того, ни другую, — твёрдо сказал Вентерс. — Не хочу рисковать потерять кого-то из твоих любимцев.

— Тогда Рэнгл?

— Вот это конь, — отозвался Джадкинс. — Рэнгл обгонит и Чёрную Звезду, и Ночь. Вы не поверите, мисс Уизерстин, но я знаю. Рэнгл — самый большой и самый быстрый конь во всей полыни.

— О нет, Рэнглу не обогнать Чёрную Звезду. Но, Берн, если едешь — бери Рэнгла. Спроси у Джерда всё, что понадобится. О, будь осторожен, будь начеку... Храни тебя Бог.

Она сжала его руку, быстро отвернулась и пошла по проулку вместе со всадником.

Вентерс поскакал к амбару и, прыгнув с коня, крикнул Джерда. Мальчик прибежал бегом. Вентерс послал его за мясом, хлебом и сушёными фруктами, чтобы уложить в переметные сумы. Своего коня он отпустил в ближайший загон. Затем пошёл за Рэнглом. Исполинский чалый конь заслужил своё имя за нрав, прямо противоположный покладистости. Из амбара он вышел охотно, но, оказавшись во дворе, вырвался от Вентерса и заметался, прижав уши. Вентерсу пришлось заарканить его, а затем конь снёс копытами часть изгороди, встал на дыбы, рухнул наземь и боролся с арканом. Джерд вернулся, чтобы помочь.

— Рэнглу мало работы, — сказал Джерд, надевая на него большое седло. — Он норовист в загоне и всё хочет бежать. Вот погоди, как учует полынь!

— Джерд, этот конь — сущий дьявол с железной челюстью. Я садился на него всего раз. Бегать? Да он быстр, как ветер!

Едва сапог Вентерса коснулся стремени, чалый рванулся с места, вынудив его вскочить в седло на лету. Стремительный бег этого огненного коня напомнил Вентерсу дни не столь уж далёкого прошлого, когда он въезжал в полынь во главе всадников Джейн Уизерстин. Рэнгл тянул на тугом поводу. Он проскакал по проулку, вдоль тенистой опушки рощи, и остановился у водопойной колоды, где приплясывал и грыз удила. Вентерс спешился и наполнил флягу, пока конь пил. Псы, Ринг и Уайти, подбежали напиться следом. Затем Вентерс снова сел в седло и повернул Рэнгла к полыни.

Широкая, белёсая тропа вилась вниз по склону. Один острый, окидывающий взгляд убедил Вентерса, что ни человека, ни коня, ни быка нет в пределах видимости — разве что кто-то лежал, притаившись, в полыни. Ринг бежал впереди, Уайти — позади. Рэнгл понемногу перешёл на лёгкий, размашистый галоп, и мысли Вентерса, теперь, когда спешка и суматоха отъезда остались позади, а впереди лежали долгие мили, обратились к спокойному подведению итогов последних странных совпадений.

Была ночная поездка Талла, что теперь, в свете последующих событий, выглядела как часть его тайных козней; был Олдринг с его всадником в маске и угонщиками на обмотанных копытах; была весть о том, что Талл выехал тем утром со своим человеком Джерри по дороге на Глейз; было странное исчезновение всадников Джейн Уизерстин; была необычно решительная попытка убить единственного иноверца, всё ещё состоящего у неё на службе, — попытка, сорвавшаяся, без сомнения, лишь благодаря великолепной скачке Джадкинса на её скакуне; и, наконец, был угон красного стада. Все эти события, на мрачный взгляд Вентерса, состояли в тёмном родстве между собой. Помня упрёк Джейн в озлобленности, он изо всех сил старался

отбросить злобу, судя Талла. Но именно горькое знание позволяло ему видеть правду. Он ощутил тень невидимой руки; он наблюдал, пока не разглядел её смутные очертания, а затем проследил её к ненависти одного человека, к соперничеству мормонского старейшины, к власти епископа, к длинной, далеко тянущейся длани грозной веры. Эта невидимая рука сделала свой первый ход против Джейн Уизерстин. Её всадников отозвали, оставив её без помощи, чтобы гнать семь тысяч голов скота. Но Вентерсу казалось необычайным, что власть, отозвавшая этих всадников, оставила так много скота на разграбление угонщикам и на растерзание волкам. Ибо рука об руку с этой властью шла ненасытная алчность; они были одно и то же.

«Что Олдринг станет делать с двумя с половиной тысячами голов скота? — бормотал Вентерс. — Мормон ли он? Встречался ли он прошлой ночью с Таллом? Мне это видится чёрным заговором. Но Талл со своими церковниками не станут губить Джейн Уизерстин, если Церковь не получит выгоды от этой гибели. Причём здесь Олдринг? Я разужаю это».

Рэнгл прошёл двадцать пять миль за три часа, почти не сбавляя шага. Разогревшись, он получил волю выбирать собственный аллюр. День уже клонился к вечеру, когда Вентерс вышел на след красного стада и нашёл место, где оно паслось прошлой ночью. Тогда Вентерс дал коню отдых и пустил в ход глаза. Неподалёку паслись корова с телёнком и несколько годовалых бычков, а дальше в долине — отбившиеся от стада быки. Он заметил, как поодаль крадутся койоты. Медленный, обводящий взгляд всадника не нашёл иных живых существ в пределах видимости. Долина вокруг него доходила коню до груди, чрезмерно сладкая своим тёплым, душистым дыханием, серая там, где играл на ней свет, темнее там, где её не тревожил ветер, а за нею — дивная лиловая дымка, что дарит даль. Далеко за этой широкой пустошью начинался медленный подъём нагорий, через которые проход Десепшн прорезал свой извилистый, изрезанный многими каньонами путь.

Вентерс отпустил поводья и последовал по широкому скотскому следу. Смятая долина напоминала путь гигантской змеи. За несколько миль пути он миновал несколько коров с телятами, что отбились от гурта. Затем он остановился на последней высокой ступени склона, а под ним лежала долина. Вход в каньон открывался разрывом в долине, и скотий след тянулся вдоль него, насколько хватало глаз. Этот след вёл к неведомому месту, где Олдринг гнал скот в проход, и не один всадник, пошедший по нему, не вернулся назад. Вентерс убедился, что угонщики не отклонялись от своего обычного пути, и тогда он свернул под прямым углом со скотской тропы и направился к началу прохода.

Солнце теряло жар и клонилось к западному горизонту, где из белого становилось золотым и повисало, точно исполинский шар, готовый скатить по склону свои золотые тени. Вентерс наблюдал, как удлиняются лучи и полосы света, и дивился собственной тени длиной в лигу. Солнце село. Мгновенно потускнел свет вокруг него, и он увидел, как впереди него ползёт какое-то холодное пурпурное цветение, пересекая каньон, взбираясь на противоположный склон, преследуя, темня и хороня последний золотой отблеск заката.

Вентерс выехал на тропу, которой всегда спускался в каньон. Он спешил и не нашёл иных следов, кроме своих собственных, оставленных несколько дней назад. Тем не менее он послал вперёд пса Ринга и подождал. Немного погодя Ринг вернулся. После чего Вентерс повёл коня к разрыву в земле.

Вход в проход Десепшн был одним из примечательных явлений природы в краю, и без того примечательном необъятными долинными склонами, нагорьями, отгороженными исполинскими красными стенами, и глубокими каньонами таинственного истока и устья. Здесь дно долины было ровным, и здесь открывалась узкая расселина, рваная прореха в жёлтых каменных стенах. Тропа вниз, на все пятьсот футов отвесной глубины, всегда испытывала нервы Вентерса на прочность. Здесь трудно было пройти даже ослу. Но Рэнгл, которого Вентерс вёл в поводу, фыркал скорее с вызовом или отвращением, чем со страхом, и, точно спутанный конь на прыжке, поднимал свои тяжёлые, кованые передние копыта и с грохотом обрушивал их

на первую неровную ступень. Вентерс проникся ещё большим восхищением к чалому и, отпустив поводья свободно, шаг за шагом спускался следом. То и дело камни и сланец, сдвинутые Рэнглом, заваливали Вентерса по колено; то он с трудом уворачивался от катящегося валуна; порой он вовсе не видел Рэнгла за пылью, а однажды они оба — и он, и конь — проехали на скользящей полке выветренной жёлтой скалы. Это была тропа, на которой нельзя было остановиться, а потому, сколь ни опасна, она хотя бы не отнимала много времени на спуск.

Вентерс вздохнул легче, когда всё осталось позади, и ощутил внезапную уверенность в успехе своего предприятия. Ведь поначалу это было безрассудное решение добиться хоть чего-то любой ценой, а теперь оно обернулось приключением, достойным всего его разума, хитрости и остроты зрения и слуха.

Пиньоновые сосны теснились небольшими купами вдоль ровного дна прохода. Под стенами уже сгустились сумерки. Вентерс въехал на тропу и двинулся вверх по каньону. Постепенно деревья, пещеры и низкие предметы почернели, и эта чернота поползла вверх по стенам, пока ночь не окутала проход, тогда как наверху ещё держался день. Небо потемнело; начали проступать звёзды — сперва бледные, потом яркие. Острые зубцы гребня стены, впивающиеся, точно клыки, в синеву, служили ориентирами, по которым Вентерс узнавал место своей стоянки. Пришлось на ощупь пробираться сквозь заросли тонких дубков к источнику, где он напоил Рэнгла и напился сам. Здесь он расседлал и отпустил Рэнгла, не опасаясь, что конь уйдёт от густой прохладной травы у источника. Затем он утолил собственный голод, накормил Ринга и Уайти и, свернувшись с ними рядом, устроился ожидать сна.

Было время, когда ночь на этих высокогорьях Юты приносила Вентерсу удовлетворение. Но это было ещё до того, как гнёт врагов изменил его душу. Как всадник, стерегущий стадо, он никогда не задумывался о дикости и одиночестве ночи; теперь же, изгоем, когда наступала полная тишина, и глубокая тьма, и холодно и спокойно сияли вереницы звёзд, он лежал с болью в сердце. Целый год он жил, точно чёрная лисица, изгнанная от своих. Он тосковал по звуку голоса, по прикосновению руки. Днём была скачка с места на место, и упражнения со стрельбой, к которым что-то его понуждало, и другие дела, требовавшие хоть какого-то действия; ночью же, прежде чем прийти сну, в душе его царила распря. Он жаждал покинуть бесконечные полынные склоны, пустыню каньонов, и именно в одинокую ночь эта тоска становилась невыносимой. Тогда он тянулся рукой, чтобы коснуться Ринга или Уайти, безмерно благодарный за любовь и товарищество двух псов.

В эту ночь то же старое одиночество одолело Вентерса, старая привычка к печальным думам и жгучей тревоге брала своё. Но из этого выросло убеждение, что его бесполезная жизнь претерпела некую неуловимую перемену. Он ощутил её впервые, когда Рэнгл вскинул его в высокое седло, он знал её и теперь, лёжа у входа в проход Десепшн. Он не чувствовал трепета приключения — скорее, мрачное предчувствие великой опасности, быть может, смерти. Он твёрдо решил найти убежище Олдринга. У угонщиков были быстрые кони, но ни один не мог угнаться за Рэнглом. Вентерс знал: ни один угонщик не подкрадётся к нему ночью, пока Ринг и Уайти стерегут его укрытие. Что до остального — у него были глаза и уши, и длинная винтовка, и безошибочный прицел, которым он намеревался воспользоваться. Странно, но в этом предчувствии перемены не было и мысли об убийстве Талла. Оно относилось лишь к тому, что должно было случиться с ним самим в проходе Десепшн; и приподнять завесу этой тайны он мог не более, чем сказать, куда ведут тропы в этом неизведанном каньоне. Впрочем, ему было всё равно. И наконец, измученный тяжестью дум, он уснул.

Когда глаза его открылись вновь, уже настал день, и он увидел, как гребень противоположной стены золотится в лучах восхода. Несколько минут хватило на простые утренние заботы стоянки. Неподалёку он нашёл Рэнгла, и, к своему удивлению, конь сам подошёл к нему. Рэнгл был из тех коней, что оставляли свой злобный нрав в родном загоне. Ему хотелось лишь свободы от мулов, ослов и быков, хотелось валяться в пыли, а после мчаться по широком,

открытым, продуваемым ветром полынным равнинам, а ночью пастись и спать в прохладной мокрой траве у родникового озера. Джерд знал этого чалого, когда сказал о нём: «Вот погоди, как учует полынь!»

Вентерс оседлал его и вывел из дубовой чащи и, вскочив в седло, поехал вверх по каньону, а Ринг и Уайти бежали рысью следом. Старая, заросшая травой тропа шла вдоль русла неглубокой промоины, где струился тонкий ручеёк воды. Каньон был шириной в сотню родов, его жёлтые стены стояли отвесно; в нём в изобилии росла полынь и скудно — дубки да сосны пиньоны. На протяжении пяти миль он держался сравнительно прямого направления, а затем начиналось возвышение суровых стен и углубление дна. Дальше этой точки, где так внезапно менялся характер каньона, Вентерс никогда не бывал, и здесь начиналась настоящая дверь в лабиринт прохода Десепшн.

Он придержал Рэнгла на шаг, то и дело останавливаясь прислушаться, а затем двигался осторожно, настороженно поводя взглядом. Каньон принял размеры, что делали карликовыми первые его десять миль. Вентерс ехал всё дальше и дальше, не теряя, при всём интересе к широким окрестностям, ни осторожности, ни зоркого поиска следов или признаков живого существа. Если здесь когда-то и была тропа, найти её он не мог. Он ехал сквозь полынь, заросли пиньонских сосен и поросшие травой поляны, где цвели пурпурные лилии с длинными лепестками. Он проехал через тёмное сужение прохода, не шире проулка в роще Коттонвудса. И выехал на огромный амфитеатр, куда вклинивались исполинские, вздымающиеся углы слияния пересекающихся каньонов.

Вентерс сидел на коне и взглядом всадника изучал этот дикий перекрёсток огромных каменных промоин. Затем он двинулся дальше, следуя течению бегущей воды. Если бы не главный поток, текущий на север, он никогда не смог бы определить, какой из этих многочисленных проёмов был продолжением прохода. Пересекая этот амфитеатр, он миновал устья пяти каньонов, переходя вброд ручейки, что впадали в больший поток. Достигнув выхода, который он принял за продолжение прохода, он снова поехал под нависающими стенами. Одна сторона была тёмной, в тени, другая — светлой, на солнце. Этот узкий проход извивался и петлял и вывел в долину, что поразила Вентерса.

Здесь снова простиралась пурпурная полынь, ещё богаче, чем на верхних уровнях. Долина тянулась на много миль в длину, на несколько — в ширину, и была окружена неприступными стенами. Но именно задний план этой долины порастил его сильнее всего. За полынной равниной вздымалось странное нагромождение жёлтых скал. Он не мог сказать, какие из них ближе, а какие дальше. Изборождённые каменные гряды, точно горные валы, будто вздымались к крутым голым склонам и башням.

На этой полынной равнине Вентерс вспугивал птиц и кроликов, а пройдя около мили, заметил белые мелькающие хвосты бегущего стада антилоп. Он ехал вдоль края ручья, что вился к западному краю медленно вырастающих каменных нагромождений. Высокий склон скрывался за ближним прикрытием. Вентерсу казалось, будто долина была заполнена горой расплавленного камня, застывшего в странных округлых очертаниях. Он следовал за ручьём, пока не потерял его в глубокой расселине. Тогда Вентерс оставил эту тёмную щель, что дальше не давала вести поиски, и поехал вдоль изогнутого края скалы, там, где она встречалась с полынью. Вскоре он вышел к невысокому месту, и здесь Рэнгл легко взобрался наверх.

Всюду вокруг него вздымались гребнистые волны выглаженного ветром, вымытого дождями камня. Ни клочка травы, ни куста полыни не оживляли тусклую ржаво-жёлтую окраску. Он увидел, как справа этот неровный поток камня заканчивался тупой стеной. Слева, из впадины у его ног, поднимался постепенный, медленно вздымающийся склон к великой высоте, увенчанной наклонёнными, растрескавшимися, разрушенными скалами. Не сразу он осознал чудо этой кручи. То был не что иное, как горный склон, блестящий на солнце, точно полированный гранит, с кедрами, что вырастали, будто по волшебству, из обнажённой поверх-

ности. Ветра вымели её дочиста от выветренного сланца, а дожди отмыли от пыли. Далеко вверх по изогнутому склону его прекрасные линии обрывались, встречая отвесную гребневую стену, теряя изящество в ином порядке и цвете камня — окрашенном жёлтом утёсе, испещрённом трещинами, пещерами и изрезанными скалами. А прямо перед Вентерсом раскинулась картина менее впечатляющая, но более значимая для его зоркого взгляда. Ибо за милей голого, всхолмленного камня начиналась полынная долина, и устья каньонов, один из которых наверняка вёл к другим воротам в проход.

Он спешил и, отдав повод Рингу подержать, принялся искать расселину, куда уходил ручей. Поиски не увенчались успехом, и он заключил, что вода уходит в подземный проток. Затем он вернулся туда, где оставил Рэнгла, и свёл его с камня в полынь. До устьев каньонов оставалось недалеко. Не было причин выбирать, в который из них въехать. Тот, в который он въехал, оказался чистым, резким жёлобом в жёлтом камне глубиной в тысячу футов, с дивными, выточенными ветром пещерами внизу и укреплёнными, точно бастионами и башнями, стенами наверху. Дальше Вентерс въехал в область, где глубокие выемки отмечали линию каньонных стен. Это были огромные, похожие на бухты слепые карманы, тянувшиеся назад к острому углу с густыми зарослями кустарника и деревьев.

Вентерс углубился в один из этих отростков и, как и надеялся, нашёл там обильную траву. Пришлось нагибать дубовые побеги, чтобы протащить коня. Решив сделать это место укрытием, если найдётся вода, он пробрался в самую глубину, к пределу нависающих стен. В маленькой купе серебристых елей он нашёл источник. Этот замкнутый уголок казался идеальным местом, чтобы оставить коня и разбить ночлег, а оттуда совершать скрытые вылазки пешком. Густая трава скрывала след; плотные заросли дубков у входа послужат преградой, чтобы удержать Рэнгла внутри, если и вовсе не хватит для этого пышного корма. И вот Вентерс, оставив Уайти при коне, подозвал к себе Ринга и, с винтовкой в руке, пробрался наружу. Тщательно запечатлев в памяти очертания смелых линий гребневой стены, он был уверен, что найдёт дорогу обратно к своему убежищу даже в темноте.

Разбросанные купы долины покрывали середину каньона, и среди них Вентерс пробирался поступью индейца. Время от времени он клал руку на пса и останавливался прислушаться. Стоял сонный гул насекомых, но ничто иное не тревожило тёплую полуденную тишь. Впереди Вентерс увидел поворот, круче всех прежних. Осторожно обогнув этот угол, он снова остановился в изумлении.

Каньон открывался веерообразно в огромный овал зелёных и серых зарослей. Это была ступица продолговатого колеса, и от неё, на равном расстоянии, точно спицы, расходились отходящие каньоны. Здесь тускло-красный цвет преобладал над блёкнущим жёлтым. Углы стен вздымались тупыми выступами, изрытые и исчерченные, сужаясь в башни, зубчатые пики и купольные пинакли.

Вентерс продвигался ещё осторожнее прежнего. К центру этого круга полынь становилась мельче и реже. Он уже собирался свернуть вправо, где заросли и груды упавших камней дали бы ему укрытие, когда наткнулся прямо на широкий скотий след. Это была скорее дорога, чем тропа, и следы скота были свежими. Что удивило его больше — они были мокрыми! Он призадумался над этой странностью. Дождя не было. Единственным объяснением этой загадки было то, что скот прогнали через воду, и воду достаточно глубокую, чтобы намочить ноги.

Внезапно Ринг тихо зарычал. Вентерс осторожно поднялся и глянул поверх долины. Отряд разрозненных всадников пересекал овал. Он опустил обратно, вздрогнув и дрожа. «Угонщики!» — пробормотал он. Торопливо он огляделся в поисках укрытия. Поблизости не было ничего, кроме долины. Он не решался рискнуть пересечь открытые проплешины, чтобы добраться до скал. Он снова выглянул поверх долины. Угонщики — четверо — пятеро — семеро — восемь человек всего — приближались, но не прямо в его сторону. Это принесло

облегчение той холодной онемелости, что, казалось, расплзалась по его жилам. Он присел, затаив дыхание, и удерживал ошестинившегося пса.

Он услышал стук подкованных копыт по камню, грубый смех мужчин, а затем голоса, постепенно затихающие вдали. Прошли долгие мгновения. Затем он поднялся. Угонщики въезжали в каньон. Их кони были уставшими, при них было несколько выючных животных; видно, они проехали неблизкий путь. Вентерс сомневался, что это те самые угонщики, что угнали красное стадо. Банда Олдринга разделилась. Вентерс следил, как эти всадники исчезают под смелой стеной каньона.

Угонщики появились с северо-западной стороны овала. Вентерс держал взгляд неотрывно в этом направлении, надеясь, если появятся ещё, увидеть, из какого каньона они выедут. Прошла четверть часа. Награда за его бдительность пришла, когда он различил ещё трёх всадников, далеко к северу. Но было уже слишком поздно понять, из какого каньона они выехали. Он смотрел, как они пересекают овал и огибают выступающий красный угол, куда скрылись первые.

«В тот каньон! — воскликнул Вентерс. — Логово Олдринга! Я нашёл его!»

Загадкой для Вентерса оставалось то, что все следы скота были направлены на запад. Широкий след шёл со стороны каньона, куда въехали угонщики, и, несомненно, скот прогнали именно оттуда через овал. Не было следов, указывающих в другую сторону. Ему представлялось, что Олдринг гнал красное стадо к месту сбора, а не от него. Где эта широкая тропа спускалась в проход и куда она вела? Вентерс понимал, что тратит время впустую, размышляя над этим вопросом, но тот таил в себе очарование, которое нелегко было развеять. Долгие годы таинственный вход и выход Олдринга из прохода Десепшн оставался предметом жгучего интереса для всадников полыни.

Внезапно пёс положил конец раздумьям Вентерса. Ринг втянул носом воздух, медленно повернулся на месте с поскуливанием, а затем зарычал. Вентерс развернулся. В сотне ярдов от него, направляясь прямо к нему, ехали двое всадников. Один, отставая от другого, был всадником Олдринга в маске.

Вентерс хитро припал к земле, медленно стараясь слиться с полынью. Но, как ни осторожно было его движение, первый конь его заметил. Он резко остановился, фыркнул и вскинул уши. Угонщик подался вперёд, будто пристально всматриваясь. Затем стремительным движением выхватил револьвер из кобуры и выстрелил.

Пуля просвистела сквозь полынью. Разлетевшиеся щепки задела Вентерса, и жгучая, обжигающая боль будто подбросила его одним прыжком. Точно молния, блеснул синий ствол его винтовки, и он выстрелил раз — другой.

Передний угонщик выронил оружие и опрокинулся с седла, упав так, что нога его застряла в стремени. Конь дико захрапел и рванулся прочь, волоча угонщика по полыни.

Всадник в маске сторбился над лукой седла, медленно крелясь набок, а затем со слабым, странным криком выскользнул из седла.

Глава V. Всадник в маске

Вентерс быстро перевёл взгляд с упавших угонщиков на каньон, куда скрылись остальные. Он прикинул время, потребное скачущим коням, чтобы вернуться к оврагу, если их всадники услышат выстрелы. Он ждал, затаив дыхание. Но рассчитанное время истекло, а всадники не появлялись. Вентерс понемногу начал верить, что звук винтовочных выстрелов не проник в глубь каньона, и почувствовал себя в относительной безопасности.

Он поспешил к тому месту, куда конь протащил первого угонщика. Тот лежал в высокой траве, мёртвый, с отвисшей челюстью и выпученными глазами — зрелище, от которого Вентерса замутило. Первого человека, в которого он когда-либо целился, он застрелил прямо в сердце. С липким потом, проступившим из каждой поры, Вентерс оттащил угонщика меж валунов и завалил его каменными плитами. Затем разровнял примятый след в траве и полыни. Конь угонщика остановился в четверти мили и щипал траву.

Когда Вентерс быстрым шагом направился ко всаднику в маске, даже холодная тошнота, что сковывала его, не смогла до конца заглушить любопытства. Ведь он застрелил пресловутого помощника Олдринга, чьё лицо никто никогда не видел. Вентерс испытал мрачную гордость от этого подвига. Что скажет Талл о таком достижении изгоя, что слишком часто ездил в проход Десепшн?

Любопытное нетерпение и ожидание Вентерса не подготовили его к потрясению, что охватило его, когда он встал над стройной, тёмной фигурой. На угонщике была чёрная маска, что и дала ему его прозвище, но оружия при нём не было. Вентерс взглянул на понурого коня — кобур на седле не было.

— Угонщик без оружия! — пробормотал Вентерс. — И пояса на нём нет. Он и не смог бы носить оружие в такой одежде... Странно!

Тихий, судорожный вдох и внезапная дрожь тела подсказали Вентерсу, что всадник ещё жив.

— Он жив!.. Придётся мне стоять здесь и смотреть, как он умирает. А я подстрелил безоружного человека.

Содрогаясь, Вентерс снял с всадника широкое сомбреро и чёрную тканевую маску. Под ними открылись ярко-каштановые, слегка вьющиеся волосы и бледное, юное лицо. Вдоль ниж-

ней линии щеки и челюсти проходила чёткая граница, где загорелая кожа встречалась с белизной, скрытой от солнца.

— О, да это же просто мальчик!.. Что? Неужто это и есть всадник Олдринга в маске?

Мальчик подавал признаки возвращающегося сознания. Он шевельнулся; губы дрогнули; маленькая смуглая рука сжалась на блузе.

Вентерс опустился на колени, охваченный нарастающим ужасом от содеянного. Его пуля вошла в правую сторону груди всадника, высоко, у самого плеча. Дрожащими руками Вентерс развязал чёрный шарф и разорвал мокрую от крови блузу.

Сперва он увидел зияющую рану, тёмно-красную на белизне кожи, из которой сочилась тонкая алая струйка. А затем — изящную, прекрасную округлость женской груди!

— Женщина! — вскричал он. — Девушка!.. Я убил девушку!

Она вдруг открыла глаза, что пронзили Вентерса насквозь. Они были бездонно-синими. В них читалось сознание смерти, слитые воедино ужас и боль, но не сознание зрения. Она не видела Вентерса. Она глядела в неведомое.

Затем нахлынул приступ жизненных сил. Она забилась в муках возвращающейся силы, и в этих судорогах едва не вырвалась из рук Вентерса. Медленно она обмякла и осела назад. Обнажённая рука потянулась к ране и прижала её так сильно, что запястье наполовину утонуло в груди. Кровь сочилась меж раздвинутых пальцев. И она взглянула на Вентерса глазами, что теперь его видели.

Он проклинал себя и свою безошибочную меткость, которой так гордился. Он видел такой же взгляд у покалеченной антилопы, которую собирался прикончить ножом. Но в её взгляде было бесконечно больше — откровение смертной души. В нём были и инстинктивное цепляние за жизнь, и осознанная беспомощность, и страшное обвинение поражённого существа.

— Прости меня! Я не знал! — вырвалось у Вентерса.

— Ты застрелил меня... ты меня убил! — прошептала она, задыхаясь, судорожными глотками воздуха. На губах её выступила трепещущая кровавая пена. По этому Вентерс понял: воздух в её лёгких смешивался с кровью. — О, я знала... это случится... когда-нибудь!.. О, как жжёт!.. Держи меня... я падаю... всё темнеет... Ах, Боже!.. Пощади...

Её напряжённое тело содрогнулось долгой дрожью и обмякло, безжизненное, белое, точно снег, с закрытыми глазами.

Вентерс подумал тогда, что она умерла. Но слабое биение её груди убедило его, что жизнь ещё теплится. Смерть казалась делом лишь нескольких мгновений, ибо пуля прошла её насквозь. Тем не менее он оторвал листья полыни с куста и, плотно прижав их к ране, перевязал ей плечо чёрным шарфом, крепко завязав его под мышкой. Затем застегнул блузу, скрыв от глаз эту окровавленную, обвиняющую грудь.

«Что же теперь?» — спрашивал он себя, лихорадочно соображая. — «Нужно уходить отсюда. Она умирает — но я не могу её бросить».

Он быстро оглядел полынью к северу и не заметил ничего живого. Затем поднял сомбреро девушки и маску. На этот раз маска потрясла его не меньше, чем в первый раз, когда он снял её с её лица. Ведь в этой женщине он забыл об угонщике, а этот чёрный лоскут войлочной ткани подтверждал: перед ним — всадник Олдринга в маске. Вентерс разгадал тайну. Он подsunул под неё винтовку и, осторожно подняв её на ней, двинулся обратным путём. Пёс шёл в его тени. А конь, что стоял понуро рядом, последовал без зова. На обратном пути Вентерс выбирал самые густые пучки травы и заросли полыни. То и дело он оглядывался через плечо. Он не отдыхал. Его заботило лишь одно — не растрясти девушку и скрыть свой след. Достигнув узкого каньона, он повернул и держался вплотную к стене, пока не достиг своего укрытия. Войдя в плотную дубовую чащу, он с трудом пробивал себе путь. Но, держа свою ношу почти

вертикально, скользя боком и нагибая молодые деревца, он пробрался внутрь. Через полынь и траву он поспешил к роще серебристых елей.

Он опустил девушку наземь, почти боясь взглянуть на неё. Хотя бледная и холодная, как мрамор, она была жива. Только теперь Вентерс осознал, каких сил стоил ему этот долгий перенос. Он сел отдохнуть. Уйти обнюхал бледную девушку, заскулил и подполз к ногам Вентерса. Ринг лакал воду в русле источника.

Вскоре Вентерс вышел на открытое место, поймал коня и, проведя его через чащу, расседлал и привязал длинным поводом. Рэнгл на миг оторвался от пастбы, чтобы заржать и вскинуть голову. Вентерс чувствовал, что не сможет спокойно отдыхать, пока не поймают коня второго угонщика; и вот, взяв винтовку и подзвав Ринга, он отправился в путь. Быстро, но осторожно он пробрался через каньон к овалу и дальше, к скотьему следу. Немногие следы, что могли бы его выдать, он затёр, так что выследить его смог бы лишь опытный следопыт. Затем, то и дело настороженно оглядываясь на полынь, он принялся сгонять коня угонщика. Это оказалось на удивление легко. Он свёл коня в низину, скрытую от глаз с противоположной стороны овала, вдоль тенистой западной стены, и так — до самого своего каньона и потаённого лагеря.

Глаза девушки были открыты; на щеках горело лихорадочное пятно; она простонала что-то невнятное Вентерсу, но по движению её губ он понял, что она хочет воды. Приподняв её голову, он поднёс флягу к её губам. После этого она снова впала в беспамятство или слабость, схожую с ним. Вентерс, однако, заметил, что жгучий румянец сменился прежней бледностью.

Солнце село за высокий гребень каньона, и прохладная тень затемнила стены. Вентерс накормил псов и надел недоуздки на коня мёртвого угонщика. Рэнглу он позволил пастись без привязи. Покончив с этим, он нарезал еловых ветвей и соорудил для девушки навес. Затем, бережно уложив её на одеяло, он подвернул края. Вторым одеялом он укутал собственные плечи и нашёл удобное место у ствола ели, что поддерживала маленький навес. Ринг и Уйти лежали неподалёку — один спал, другой был настороже.

Вентерс страшился ночного бдения. По ночам разум его был деятелен, а на этот раз ему предстояло бодрствовать, думать и чувствовать рядом с умирающей девушкой, которую он почти что убил. Тысячу оправданий он придумывал для себя, но ни одно не меняло ни его поступка, ни его самоосуждения.

Ему казалось, что когда ночь становилась совсем чёрной, он видел её белое лицо гораздо отчётливее.

— Скоро она уйдёт, — сказал он, — и избавится от мук — слава богу!

Каждые несколько минут его настигала уверенность в её смерти, и тогда он склонялся и прижимал ухо к её груди. Сердце ещё билось.

Ранняя ночная чернота прояснилась до холодного звёздного света. Кони не двигались, и ничто не тревожило смертную тишину каньона.

«Похороню её здесь, — думал Вентерс, — и пусть могила её будет такой же загадкой, как и вся её жизнь».

Ибо немногие слова девушки, взгляд её глаз, эта молитва странно тронули Вентерса.

«Она была всего лишь девушкой, — рассуждал он вслух. — Кем она приходилась Олдрингу? У угонщиков не бывает ни жён, ни сестёр, ни дочерей. Она была порочна — вот и всё. Но всё же... может, она не по своей воле стала спутницей угонщиков. Эта её молитва Богу о пощаде!.. Жизнь странна и жестока. Хотел бы я знать, есть ли среди банды Олдринга ещё женщины? Весьма вероятно. Но какова была его игра? Всадник Олдринга в маске! Имя, от которого селяне прятались и запирали двери. Имя, на счету которого дюжина убийств, сотня набегов и тысяча краж скота. Какую роль в этом играла девушка? Возможно, Олдрингу выгодно было создавать тайну».

Часы шли. Белые звёзды двигались по узкой полоске тёмно-синего неба над головой. Тишина ожила тихим гулом насекомых. Вентерс глядел на неподвижное белое лицо, и пока он глядел, час за часом, ожидая смерти, бесчестье её отступало из его мыслей. Он думал лишь о печали, об истине этого мгновения. Кем бы она ни была — что бы она ни сделала — она была молода и умирала.

Позднейшая часть ночи тянулась бесконечно. Звёздный свет угасал, и мрак сгушался в самый тёмный час. «Она умрёт на серой заре», — пробормотал Вентерс, вспоминая чью-то старушечью примету. Чернота побледнела до серости, серость посветлела, и день заглянул через восточный гребень. Вентерс прислушался у груди девушки. Она всё ещё жила. Не почувдилось ли ему, что сердце её билось сильнее, едва заметно, но сильнее? Он прижался ухом плотнее к её груди. И поднялся с учащённым собственным пульсом.

— Если она не умрёт скоро — у неё есть шанс — самый малый шанс выжить, — сказал он.

Он гадал, прекратилось ли внутреннее кровотечение. Кровавой плёнки на губах больше не было. Но блее трупa она быть не могла. Расстегнув блузу, он развязал шарф и осторожно снял листья полыни с раны на плече. Она затянулась. Приподняв её слегка, он убедился, что то же самое произошло и с отверстием, откуда вышла пуля. Он вспомнил, что чистые раны быстро затягиваются в целебном нагорном воздухе. Он вспомнил случаи с всадниками, которых резали и стреляли, казалось бы, насмерть; и всё же кровь свёртывалась, раны закрывались, и они выживали. У него не было способа узнать, продолжается ли внутреннее кровотечение, но он полагал, что оно прекратилось. Иначе она бы наверняка не прожила так долго. Он отметил место, где вошла пуля, и заключил, что она лишь задела верхнюю долю лёгкого. Возможно, и рана в лёгком тоже закрылась. Пока он начал смывать кровавые пятна с её груди и осторожно перевязывать рану заново, он смутно осознавал странное, торжественное счастье от мысли, что она может выжить.

Ясный день и намёк солнечного света высоко на западном гребне утёсов заставили его задуматься, что делать дальше. И, занимаясь немногочисленными лагерными делами, он обдумывал это в уме. Ему не годилось оставаться надолго в нынешнем укрытии. И если он намеревался пройти по скотьему следу и попытаться найти угонщиков, лучше было выступить немедленно. Ибо он знал: угонщики, будучи всадниками, не станут особо беспокоиться из-за дневного или ночного отсутствия одного-двух из своих; но если пропавшие не объявятся в разумный срок, начнутся поиски. И этого Вентерс опасался.

«Хороший следопыт сможет меня выследить, — пробормотал он. — И я окажусь здесь в ловушке. Что ж, посмотрим. Угонщики — народ ленивый, когда не в разъездах. Рискну. А потом сменю укрытие».

Он тщательно вычистил и перезарядил оружие. Поднявшись, чтобы уйти, он бросил долгий взгляд на бесчувственную девушку. Затем, велев Уайти и Рингу стеречь лагерь, он покинул стоянку.

Самое надёжное укрытие лежало у самой стены каньона, и здесь, сквозь плотные заросли, Вентерс медленно, настороженно продвигался к овалу. Достигнув широкого просвета, он решил пересечь его и следовать вдоль левой стены, пока не дойдёт до скотьего следа. Он оглядывал овал так же зорко, как если бы охотился на антилопу. Затем, пригнувшись, он крался от укрытия к укрытию, пользуясь камнями и купами полыни, пока не достиг зарослей под противоположной стеной. Оказавшись там, он проявлял крайнюю осторожность, изучая землю впереди, но ускорял шаг на переходах. Перебегая от куста к кусту, он миновал устья двух каньонов, а у входа в третий пересек промоину с быстрой чистой водой и внезапно вышел на скотий след.

Тот шёл вдоль низкого берега промоины, и, держа его в поле зрения, Вентерс жался к линии полыни и зарослей. Точно изгибы змеи, каньон вился на протяжении мили или более, а

затем открывался в долину. Красные пятна ясно выделялись на пурпуре долины, а дальше, на равнине, тянулись пунктиром красные вереницы к каменной стене.

— Ха, красное стадо! — воскликнул Вентерс.

Затем белые и чёрные пятнышки подсказали ему, что в этой закрытой долине пасётся скот и других мастей. Олдринг, угонщик, был ещё и скотоводом. Прикидывающий взгляд Вентерса насчитал поголовье, что превосходило численность красного стада.

— Что за пастбище! — продолжал Вентерс. — Воды и травы хватит на пятьдесят тысяч голов, и никаких всадников не нужно!

После первого всплеска удивления и быстрого подсчёта Вентерс не стал медлить, а снова скользнул в долину по своему обратному следу. С открытием тайного пастбища Олдринга прояснилось несколько загадок. Здесь угонщик держал свой скот, здесь было красное стадо Джейн Уизерстин; здесь были те немногие головы, что исчезали со склонов Коттонвудса за последние два года. Пока Олдринг не угнал красное стадо, его кражи скота за это время не превышали количества, нужного, чтобы прокормить его людей мясом. В последнее время из Стерлинга или северных селений не поступало вестей об угонах. И Вентерс знал, что всадники дивились бездействию Олдринга именно в этой области. Он и его банда были достаточно деятельны в своих визитах в Глейз и Коттонвудс; у них всегда водилось золото; но в последнее время суммы, что проматывались, пропивались и швырялись на ветер в селениях, давали немало пищи для догадок. Более частые визиты Олдринга привели к появлению новых салунов, и там, где прежде случался один налёт или перестрелка в маленьких посёлках, теперь их было много. Быть может, у Олдринга было и другое пастбище, дальше вверх по проходу, и оттуда он гнал скот в далёкие города Юты, где его мало знали. Но в конце концов Вентерс усомнился в этом. И из того, что он узнал за последние несколько дней, у него в уме начало складываться убеждение, что запугивание Олдрингом селений, тайна всадника в маске с его предполагаемыми злодеяниями, и яростное сопротивление всяким преследователям, и угоны скота — всё это было лишь хитростью главаря угонщиков, чтобы скрыть свою настоящую жизнь, цель и дело в проходе Десепшин.

И точно индеец-разведчик, Вентерс полз сквозь долину овальной долины, пересекая след за следом на северной стороне, и наконец вошёл в каньон, откуда начинался скотий след и куда он видел, как скрылись угонщики.

Если прежде он был осторожен, теперь он напрягал каждый нерв, заставляя себя двигаться крадучись и настороженно вслушиваться. Он полз так скрытно, что мог пользоваться глазами лишь для того, чтобы пробираться через заросли и обломки скальной стены. И всё же время от времени, отдыхая, он видел, как массивные красные стены становятся всё выше и суровее, всё более нависающими и изломанными. Он отметил, что поворачивает и поднимается. Долина и заросли дубков и ольшаники сменились пиньоновыми соснами, растущими из каменистой почвы. Внезапно тихий, глухой гул донёсся до его ушей. Сперва он подумал, что это гром, затем — что это осыпается выветренный скальный склон. Но звук не прекращался, и по мере продвижения он становился глубже и из гула превращался в мягкий рёв.

— Падающая вода, — сказал он. — В ней немало силы. Не тот ли это поток, что я потерял?

Рёв мешал ему, ведь он не мог расслышать ничего иного. Впрочем, по этой же причине и угонщики не могли услышать его. Осмелев от этого и уверенный, что заметить его сможет разве что птица, он поднялся с четверенек и зашагал дальше. Просвет в соснах пиньонах подсказал ему, что он приближается к вершине склона.

Он достиг её и припал к земле в порыве изумления. Перед ним раскинулся короткий каньон с округлым каменным дном, лишённым травы, долины или дерева, с изогнутыми, нависающими стенами. К нему навстречу катился широкий, рябящий поток, а в глубине каньона

водопад вырывался из широкого разрыва в скале и, обрушиваясь двумя зелёными ступенями, растекался длинным белым полотном.

Если бы Вентерс не был совершенно уверен, что вошёл в нужный каньон, его изумление не было бы столь велико. В стенах не было разрывов, не было боковых каньонов, впадающих в этот, туда, куда вели его следы угонщиков и скотий след, а значит, он не мог ошибиться. Но здесь каньон заканчивался, и, по всей видимости, вместе с ним заканчивались и тропы.

«Скотий след выходил отсюда, — твердил себе Вентерс. — Он выходил отсюда. Теперь мне нужно понять, как вообще скот попадал сюда?»

Если он в чём и мог быть уверен, так это в тщательности, с которой он изучал тот скотий след, где каждый отпечаток копыта был направлен прямо на запад. Теперь же он смотрел на восток, на огромный округлый замкнутый угол каньона, откуда низвергалась тонкая белая завеса воды, шириной едва в двадцать ярдов. Где-то, каким-то образом, его расчёты сбились. Впервые за много лет он усомнился в собственном мастерстве следопыта, в собственной памяти о том, что видел на самом деле. В своей тревоге держаться укрытия он, должно быть, заблудился в этом ответвлении прохода Десепшн и тем самым каким-то необъяснимым образом миновал каньон со следами. Иного объяснения он найти не мог. Угонщики не умели летать, а скот не умел прыгать с тысячефутовых обрывов. Он лишь подтверждал то, что давно говорили всадники долины об этой запутанной системе обманчивых каньонов и долин, — тропы вели вниз, в проход Десепшн, но ни один всадник ещё не прошёл по ним до конца.

Вдруг он услышал сквозь мягкий рёв водопада необычный звук, который не мог определить. Он упал плашмя за камень и прислушался. Со стороны, откуда он пришёл, нарастало нечто, напоминающее странный, приглушённый стук, плеск и звон. При всей его выдержке холодная испарина выступила у него на лбу. Чего только не могло случиться в этом обнесённом каменными стенами лабиринте тайн? Неестественный звук миновал его, пока он лежал, сжимая винтовку и борясь за хладнокровие. Затем с открытого места донёсся звук — теперь ясный и иной. Вентерс узнал бубенчик стреноженного коня, и ляг железа о притопленные камни, и глухой плеск копыт в воде.

Облегчение нахлынуло на него. Разум его снова обратился к яви, и любопытство побудило его выглянуть из-за камня.

Посреди потока брела длинная вереница гружёных ослов, которых гнали трое великолепно верхом сидящих мужчин. Встреть Вентерс этих мрачных, загоревших, обвешанных оружием людей где угодно в Юте, не говоря уже об этом разбойничьем убежище, он тотчас узнал бы в них угонщиков. Опытный глаз всадника различал признаки долгого, тяжёлого пути. Эти люди везли припасы из какого-то из северных селений. Они устали, их кони почти выбились из сил, а ослы брели, как это свойственно их племени, когда они измотаны, — верные и терпеливые, но так, будто каждый усталый, плещущий, оскользящийся шаг мог стать последним.

Всё это Вентерс отметил одним взглядом. После этого он наблюдал с трепещущим нетерпением. Прямо к водопаду угонщики погнали ослов, прямо через середину, где вода растекалась в тонкую, дымчатую плёнку, точно рассеивающийся дым. Следуя за ними вплотную, угонщики въехали в эту белую мглу, на миг обрисовавшись смелым чёрным силуэтом, а затем исчезли.

Вентерс перевёл полный вздох, что вырвался коротким, внезапным восклицанием.

— Боже правый! Вот уж нора для угонщика!.. Там, под водопадом, пещера, и проход, ведущий в другой каньон за ней. Олдринг прячется там. Ему нужно лишь стеречь тропу, что спускается с полынной равнины сверху. Мало опасности, что этот выход из прохода будет обнаружен. Я наткнулся на него случайно, уже потеряв надежду. И теперь я знаю правду о том, что больше всего меня озадачивало — почему тот скотий след был мокрым!

Он развернулся и побежал вниз по склону, а затем на равнину долины. На обратном пути у него не было времени медлить, лишь изредка, между перебежками, он останавливался

на миг, чтобы бросить острый взгляд вперёд. Обильная трава не оставляла следа. Он быстро прошёл расстояние до кольца каньонов. Он сомневался, что когда-нибудь снова увидит это место; он знал, что никогда не захочет его увидеть; и всё же он взглянул на красные углы и башни глазами всадника, запечатлевающего ориентиры, которые нельзя забыть.

Здесь он провёл несколько задышающихся мгновений, медленно обводя взглядом полын- ный овал и просветы между утёсами. Ничто не шевелилось, кроме лёгкого колыхания верху- шек кустарника. Затем он двинулся дальше, минуя устья нескольких каньонов, по незнакомой ему местности, теперь у самой восточной стены. Этот последний участок оказался лёгким для передвижения, хорошо укрытым от возможного наблюдения с севера и запада, и он вскоре пре- одолел его и почувствовал себя безопаснее в сгущающейся тени собственного каньона. Затем над ним навис огромный, зубчатый выступ красного гребня — примета, по которой он вновь узнал глубокую бухту, где скрывался его лагерь. Пробираясь сквозь чащу, снова в отно- сительной безопасности, он мыслями вернулся к девушке, что оставил там. День уже сильно продвинулся. Как он найдёт её теперь? Он вбежал в лагерь, вспугнув собак.

Девушка лежала с широко открытыми тёмными глазами, и они расширились, когда он опустился рядом с ней на колени. Лихорадочный румянец пылал на её щеках. Он приподнял её и поднёс воду к её пересохшим губам, и ощутил необъяснимую лёгкость на душе, увидев, как она проглотила медленный, судорожный глоток. Он бережно уложил её обратно.

— Кто... ты? — прошептала она, запинаясь.

— Я тот, кто в тебя стрелял, — ответил он.

— Ты не... убьёшь меня... теперь?

— Нет, нет.

— Что ты... сделаешь... со мной?

— Когда тебе станет лучше — достаточно окрепнешь — я отведу тебя обратно, в тот каньон, где угонщики проезжают сквозь водопад.

Точно от смутной тени пролетевшего над головой крыла, мраморная белизна её лица будто изменилась.

— Не... уводи... меня... туда обратно!

Глава VI. Мельничное колесо быков

Тем временем на ранчо, когда весть Джадкинса отправила Вентерса по следу угонщиков, Джейн Уизерстин отвела раненого к себе домой и умелыми пальцами перевязала огнестрельную рану на его руке.

— Джадкинс, что, по-вашему, случилось с моими всадниками?

— Я... я предпочёл бы не говорить, — ответил он.

— Скажите мне. Что бы вы ни сказали, я сохраню это при себе. Меня начинает тревожить нечто большее, чем потеря стада. Вентерс намекнул на... но скажите же, Джадкинс.

— Что ж, мисс Уизерстин, я думаю то же, что и Вентерс: ваших всадников отозвали.

— Джадкинс!.. Кто?

— Вы знаете, кто держит поводья ваших всадников-мормонов.

— Вы смеете намекать, что мои церковники приказали отозвать моих всадников?

— Я ни на что не намекаю, мисс Уизерстин, — с горячностью ответил Джадкинс. — Я знаю, о чём говорю. Не хотел вам этого говорить.

— О, я не могу в это поверить! Не поверю! Разве Талл оставил бы мои стада на милость угонщиков и волков только из-за... из-за?.. Нет, нет! Это невысказано.

— Да, такого именно случая в Коттонвудсе прежде не бывало. Но, прошу прощения, мисс Уизерстин, здесь на границе никогда прежде не было другой богатой мормонки, тем более такой, что закусила удила.

Для сдержанного Джадкинса это было дерзкое высказывание, но её оно не разгневало. Этот грубоватый намёк всадника на её нрав дал ей проблеск того, что могут думать другие. Смирение и послушание всегда были её уделом. Но неужто она закусила удила? Она всё ещё колебалась. А затем, с быстрым приливом горячей крови по жилам, она подумала о Чёрной Звезде — как он, зажав удила в железных челюстях, мчался диким галопом по долине. Если бы и она когда-нибудь пустилась вскачь! Джейн подавила этот жар и полыхание внутри себя, устыдившись страсти к свободе, что противоречила её долгу.

— Джадкинс, поезжайте в селение, — сказала она, — и как только узнаете что-то определённое о моих всадниках, приходите ко мне тотчас же.

Когда он ушёл, Джейн решительно обратила ум к нескольким делам, что в последнее время были заброшены. Отец обучил её управлять сотней работников, работой садов и полей;

и вести учёт передвижений скота и всадников. И помимо многих обязанностей она добавила к этой работе ещё одну, требующую крайней деликатности, что требовала всей её тактичности и изобретательности. Это была ненавязчивая, почти тайная помощь, что она оказывала иноверным семьям селения. Хотя Джейн Уизерстин никогда не признавалась себе в этом, по сути это равнялось целой системе благотворительности. Если бы не её изобретение бесчисленных видов занятости, в которых на деле не было нужды, эти иноверные семьи, что не преуспели в мормонской общине, умерли бы с голоду.

Помогая этим бедным людям, Джейн полагала, что обманывает своих проникательных церковников, но это был тот род обмана, за который она не молила о прощении. Не менее трудной была задача обмануть самих иноверцев, ведь они были столь же горды, сколь и бедны. Для неё было великим горем узнать, как эти люди ненавидят её народ; и было великой радостью то, что через неё эта ненависть смягчалась. В любое другое время эта работа требовала ясности ума, что исключала тревогу и беспокойство; но в нынешних обстоятельствах требовалось всё её усердие и упрямая настойчивость, чтобы удержать внимание на своей задаче.

Настал закат, и с окончанием трудов пришло терпеливое спокойствие и сила ожидания, которых не было у неё раньше в тот день. Она ждала Джадкинса, но он не появлялся. В её доме всегда было тихо; но нынче вечером — как-то особенно. За ужином прислужницы обслуживали её с молчаливым усердием; это говорило то, чего не могли произнести их сомкнутые уста, — сочувствие мормонских женщин. Джерд принёс ей ключ от больших дверей каменной конюшни и, как всегда, доложил о лошадях за день. Одной из его ежедневных обязанностей было давать Чёрной Звезде, Ночи и другим скакунам десятимильную пробежку. В этот день это было пропущено, и мальчик путался в объяснениях, которых она не спрашивала. Она лишь спросила, вернётся ли он завтра, и Джерд, со смесью удивления и облегчения, заверил её, что всегда будет на неё работать. Джейн не хватало стука, рыси, галопа возвращающихся всадников по твёрдым тропам. Сумерки затенили рощу, где она гуляла; птицы смолкли; ветер вздыхал в листве тополей, и бегущая вода журчала по своему каменному руслу. Мерцание первой звезды было подобно покою и красоте ночи. Вера всколыхнулась в её сердце и сказала, что скоро всё будет хорошо в её маленьком мире. Она представила Вентерса у одинокого костра, между верными псами. Она молилась за его безопасность, за успех его предприятия.

Рано утром на следующий день одна из служанок Джейн доложила, что Джадкинс желает с ней поговорить. Она поспешила выйти и, к своему удивлению увидев его вооружённым винтовкой и револьвером, забыла своё намерение спросить о ране.

— Джадкинс! Это оружие? Вы никогда не носили оружия.

— Самое время, мисс Уизерстин, — ответил он. — Не пройдёте ли со мной в рощу? Мне не очень-то безопасно, чтобы меня здесь видели.

Она пошла с ним в тень тополей.

— Что вы имеете в виду?

— Мисс Уизерстин, вчера вечером я пошёл к матери. Пока я был там, кто-то постучал и спросил меня. Я вышел к двери. Он был в маске. Он сказал, что мне лучше больше не ездить для Джейн Уизерстин. Голос у него был хриплый, странный, изменённый, я так полагаю, как и лицо. Больше он ничего не сказал и убежал в темноту.

— Вы узнали, кто это был? — спросила Джейн тихим голосом.

— Да.

Джейн не стала спрашивать, кто; она не хотела знать; она боялась узнать. Всё её спокойствие исчезло от одной этой мысли.

— Вот почему я ношу оружие, — продолжал Джадкинс. — Ибо я никогда не брошу ездить для вас, мисс Уизерстин, пока вы сами меня не отпустите.

— Джадкинс, вы хотите оставить меня?

— Разве похоже на то? Дайте мне коня — быстрого коня, и пошлите меня в полынь.

— О, спасибо вам, Джадкинс! Вы вернее моих собственных людей. Мне бы не следовало принимать вашу верность — вы можете пострадать из-за неё сильнее. Но что же мне делать? Голова кругом идёт. Обида, нанесённая Вентерсу, угнанное стадо, эти маски, угрозы, эти козни во тьме! Я не могу этого понять! Но чувствую, как что-то тёмное и страшное смыкается вокруг меня.

— Мисс Уизерстин, тут всё довольно просто, — серьёзно сказал Джадкинс. — Теперь, прошу, послушайте — и, прошу прощения, — отверните это глухое мормонское ушко в сторону, и дайте мне сказать ясно и прямо в другое. Вчера я прошёлся по салунам, лавкам и местам, где народ бездельничает. Все ваши всадники здесь. Ходит разговор о создании отряда добровольной стражи для охоты на угонщиков. Они называют себя «Всадники». Так гласит слух — вот причина, что называют, почему ваши всадники вас покинули. Странно, что к этому отряду примкнуло так мало всадников от других владельцев ранчо! А человек Талла, Джерри Кард, — он там за главного. Я видел его и его коня. Он не был в Глейзе. Меня не так-то легко провести насчёт вида коня, что прошёл через полынь. Талл с Джерри не ездили в Глейз!.. Что ж, я встретил Блейка и Дорна, обоих моих обычно добрых приятелей, насколько им позволяет их мормонский свет. Но эти ребята меня не смогли провести, да особо и не старались. Я спросил их напрямую, как мужчина: почему они вас так бросили. Не забыл упомянуть, как вы ухаживали за бедной старой матерью Блейка, когда она болела, и как добры были к детям Дорна. Они выглядели пристыженными, мисс Уизерстин. А затем они словно окаменели — тот тёмный, замкнутый взгляд, что делает их такими странными и чужими для меня. Но я умею отличить первый естественный укол совести от того, позднейшего взгляда некой тайной вещи. И разница, что я подметил, была в том, что они не могли иначе. У них не было выбора в этом деле. Они выглядели так, будто их неверность вам была верностью какому-то высшему долгу. Вот вам и вся тайна. Да это ясно, как... как вид вон того моего револьвера.

— Ясно!.. Мои стада — блуждать в полыни, быть украденными! Джейн Уизерстин — обнищавшая женщина! Её голову — склонить, её дух — сломить!.. Что ж, Джадкинс, это и впрямь ясно достаточно.

— Мисс Уизерстин, позвольте мне собрать сколько смогу ребят и удержать белое стадо. Оно сейчас на склоне, не дальше десяти миль, — три тысячи голов, все быки. Они дикие и могут понестись хоть от прыжка ушей зайца. Разобьём лагерь прямо при них и попробуем удержать.

— Джадкинс, я вас как-нибудь награжу за службу, если только у меня останется чем. Собирайте ребят и скажите Джерду дать вам любых лошадей на выбор, кроме Чёрной Звезды и Ночи. Но... не проливайте крови за мой скот и не рискуйте безрассудно жизнью.

Джейн Уизерстин бросилась в тишину и уединение своей комнаты, и там уже не могла более сдерживать взрыв своего гнева. Она ослепла от каменной ярости страсти, что прежде никогда не выказывала своей силы. Лёжа на постели, незрячая, безмолвная, она была живым, извивающимся пламенем. И она металась там, пока её ярость горела и горела, и наконец выгорела дотла.

Затем, слабая и опустошённая, она лежала, думая — не о гнёте, что грозил её сломить, а об этом новом откровении о самой себе. До этих последних дней в её жизни было мало причин будить в ней страсти. Её предки были викингами, дикими вождями, что не несли креста и не терпели помех своей воле. Отец унаследовал этот нрав; и порой, точно антилопы, бегущие от пожара по склону, его люди бежали от его красной ярости. Джейн Уизерстин осознала, что дух гнева и войны дремал и в ней самой. Она содрогалась от прежде неведомых тёмных глубин. Единственное, что в мужчине или женщине она презирала превыше всего презрения и не могла простить, была ненависть. Ненависть вела прямой пылающей дорогой в ад. И вдруг, помимо её воли, в ней родилась жгучая ненависть. А человек, что довёл её мирный, любящий

дух до этого падения, был служителем слова Божьего, старейшиной её церкви, советником её возлюбленного епископа.

Потеря стад и пастбищ, даже самого Янтарного Источника и Старого Каменного Дома, больше не занимала Джейн Уизерстин; она встретила лицом к лицу главнейшую мысль своей жизни, то, что теперь считала важнейшей задачей, — спасение своей души.

Она опустилась на колени у постели и молилась; молилась, как никогда прежде в жизни, — молилась о прощении за свой грех, чтобы стать неуязвимой для этой тёмной, жгучей ненависти; чтобы любить Талла как своего пастыря, хоть и не могла любить его как мужчину; чтобы исполнять свой долг перед церковью, своим народом и теми, кто зависел от её щедрости; чтобы хранить нерушимым благоговение перед Богом и женским достоинством.

Когда Джейн Уизерстин поднялась после этой бури гнева и молитвы о помощи, она была безмятежна, спокойна, уверена — пережившая женщина. Она будет исполнять свой долг, как его понимает, будет жить своей жизнью, как ведёт её собственная правда. Быть может, ей никогда не суждено выйти замуж за человека по своему выбору, но уж точно она никогда не станет женой Талла. Её церковники могут забрать у неё скот и лошадей, пастбища и поля, загоны и конюшни, Дом Уизерстинов и воду, что питает селение Коттонвудс; но они не могут принудить её выйти за Талла, не могут изменить её решение или сломить её дух. Смирившись с новыми потерями и уверенная в себе, Джейн Уизерстин обрела душевный покой, которого не знала уже год. Она простила Талла и почувствовала печальное сожаление о том, что он, как она знала, считал долгом, независимо от своих личных чувств к ней. Прежде всего, Талл, будучи мужчиной, желал её для себя; а во-вторых, надеялся сохранить её и её богатство для своей церкви. Она не верила, что Таллом двигало исключительно пастырское рвение спасти её душу. Она усомнилась в своём толковании одного из его мрачных высказываний — что, если она потеряна для него, она с тем же успехом может быть потеряна и для небес. Здравый смысл Джейн Уизерстин восставал против сковывающих пределов её веры; и она сомневалась, что её епископ, которого, как её учили, напрямую вразумлял Бог, стал бы проклинать её душу за отказ выйти замуж за мормона. Что до Талла и его церковников, — когда они донимали её, быть может, довели до бедности, они найдут её неизменной, и тогда она получит назад большую часть того, что потеряла. Так рассуждала она, верная до конца своей вере во всех людей и в их конечное благо.

Лязг подкованных копыт по каменному двору поспешно вывел её из уединения. Там, рядом со своим конём, стоял Ласситер, и его тёмное одеяние и огромные чёрные кобуры странно контрастировали с его мягкой улыбкой. Живой ум Джейн вновь обратился к интересу к нему и к её половинчатому, сдерживаемому желанию употребить всё своё обаяние, чтобы расстроить его явный замысел, приведший его в Коттонвудс. Если бы ей удалось смягчить его ненависть к мормонам или хотя бы удержать от убийства ещё кого-нибудь из них, она не только спасла бы своих людей, но и привела бы этого кровопийцу к некоему подобию человечности.

— Доброе утро, мэм, — сказал он, держа в руке чёрное сомбреро.

— Ласситер, я не старуха и даже не мэм, — ответила она со своей яркой улыбкой. — Если вы не можете говорить «мисс Уизерстин» — зовите меня Джейн.

— Полагаю, «Джейн» будет полегче. Имена мне всегда сподручнее.

— Что ж, зовите так. Ласситер, я рада вас видеть. У меня беда.

Затем она рассказала ему о возвращении Джадкинса, об угоне красного стада, об отъезде Вентерса на Рэнгле и об отзыве её всадников.

— Что-то вы больно улыбки да хороши собой для женщины с такой бедой, — заметил он.

— Ласситер! Вы делаете мне комплименты? Но, серьёзно, я решила не унывать. Я многое потеряла и потеряю ещё больше. И всё же я не стану кислой и, надеюсь, никогда больше не буду несчастна.

Ласситер вертел шляпу туда-сюда, как он обычно делал, и не спешил с ответом.

— Женщины для меня загадка. Я уж давно от них отступился. Но мне бы по нраву пришла женщина с характером. Позвольте спросить, раз уж вы так держитесь этой беды, — вы намерены бороться?

— Бороться! Как? Даже если бы захотела, у меня нет друга — разве что этот мальчик, что не смеет и появиться в селении.

— Осмелюсь сказать, мэм... Джейн, — есть и другой, если пожелаете.

— Ласситер!.. Благодарю вас. Но как я могу принять вас в друзья? Подумайте! Да ведь вы же спуститесь в селение с этими страшными пистолетами и перебьёте моих врагов — а они же и мои церковники.

— Полагаю, меня могло бы разозлить как раз до этого, — сухо ответил он.

Она протянула к нему обе руки.

— Ласситер! Я приму вашу дружбу — буду гордиться ею — отвечу на неё, — если это удержит вас от убийства ещё одного мормона.

— Скажу вам одно, — сказал он прямо, а серые молнии сверкнули в его глазах. — Вы слишком хорошая женщина, чтобы вас так вот приносили в жертву... Нет, полагаю, нам с вами не быть друзьями на таких условиях.

В своей горячности она шагнула ближе к нему, отталкиваемая, но и заворожённая внезапной сменой его настроений. Что он станет сражаться за неё — было и ужасно, и чудесно разом.

— Вы приехали сюда убить человека — того, кого Милли Эрн...

— Того, кто утащил Милли Эрн в ад — вот как это назвать!.. Джейн Уизерстин, да, вот зачем я сюда приехал. Ни одной живой душе я больше этого не скажу... Есть вещи, что такой женщине, как вы, и не снились — так что больше не поминайте её. Пока сами не назовёте мне имени этого человека!

— Сказать вам! Мне? Никогда!

— Полагаю, скажете. А я никогда не спрошу. Я человек странных верований и образа мыслей, и мне будто дано видеть будущее и чувствовать вещи, что трудно объяснить. Тропа, по которой я шёл столько лет, была извилиста и запутана, но теперь она распрямляется. И, Джейн Уизерстин, вы пересекли её давным-давно, чтобы облегчить муки бедной Милли. Это, хотите вы того или нет, делает Ласситера вашим другом. Но теперь вы пересекаете её снова, странным образом, будто что-то для меня значите — одному Богу ведомо что! — разве что вашей благородной слепотой подстрекаете меня к ещё большей ненависти к мормонским мужчинам.

Джейн почувствовала себя во власти силы, что далеко превосходила её собственную. В столкновении воль с этим человеком она бы уступила. Если ей и суждено было повлиять на него, то лишь через женское очарование, и никак иначе. В Ласситере было нечто, что вызывало её уважение. Она гнушалась его именем; лицом к лицу с ним она обнаружила, что боится лишь его дел. Его мистический намёк, его предчувствие чего-то, чем ей суждено стать для него, глубоко пронзили её ум. Она поверила, что судьба свела её с любовником или мужем Милли Эрн. Она поверила, что через неё злой человек может быть возвращён к добру. Его намёк на то, что он назвал её слепотой, ужаснул её. Такое ошибочное представление могло бы развязать то горькое, роковое настроение, что она угадывала в нём. Любой ценой она должна была умиротворить этого человека; она знала, что жребий брошен, и что если Ласситер не смягчится перед женской грацией, красотой и хитростями, то лишь потому, что она не сумела его смягчить.

— Полагаю, больше вы такого от меня не услышите, — продолжил Ласситер немного погодя. — Теперь, мисс Джейн, я приехал сказать вам, что ваше стадо белых быков стоит на склоне за большими грядями. И я видел кое-что, что было бы вам весьма интересно увидеть самой. У вас есть полевой бинокль?

— Да, у меня их два. Возьму и поеду с вами. Подождите, Ласситер, прошу, — сказала она и поспешила внутрь. Отправив Джерда седлать Чёрную Звезду и привести коня во двор, она пошла в свою комнату и переоделась в костюм для верховой езды, что всегда надевала, отправляясь в полынь. В этом мужском наряде зеркало показало ей бойкую, красивую наездницу. Если она и ожидала хоть малой доли восхищения от Ласситера, ей не пришлось разочароваться. Та мягкая улыбка, что ей нравилась, что делала его совсем другим человеком, медленно расплылась по его лицу.

— Да я вас за парня принял! — воскликнул он. — Странное дело, как меняет одежда. А я-то немного побаивался вашего величия — вон, тогда вечером вы были вся в белом, а в этом наряде...

Чёрная Звезда влетел во двор, чуть не сбив Джерда с ног, и заржал, завидев вороного Ласситера. Но при виде Джейн все его непокорные линии словно смягчились, и он взбил поводья вскидыванием прекрасной головы.

— Вниз, Чёрная Звезда, вниз, — сказала Джейн.

Он опустил голову и, медленно вытягиваясь, согнул одну переднюю ногу, затем другую, и опустился на колени. Джейн вставила левую ногу в стремя, легко взлетела в седло, и Чёрная Звезда поднялся со звонким топотом. Джейн было нелегко удержать его в галопе через рошу, и, точно ветер, он рванулся, едва завидев полынь. Джейн дала ему пробежать пару миль свободным галопом по открытой тропе, а затем осадила и подождала спутника. Ласситер не заставил себя долго ждать, и вскоре они ехали бок о бок. Это напомнило ей, как она когда-то ездила с Вентерсом. Где он теперь? Она вгляделась вдаль по склону, к изогнутым пурпурным линиям прохода Десепшн, и невольно закрыла глаза с трепещущим уколом безымянного страха.

— Здесь свернём, — сказал Ласситер, — да возьмём в полынь на милю или около того. Белое стадо за теми большими грядами.

— Что вы хотите мне показать? — спросила Джейн. — Я готова — не бойтесь за меня.

Он улыбнулся, будто хотел сказать, что дурные вести приходят быстро и без предисловий.

Когда они достигли подветренной стороны пологой гряды, Ласситер спешился, знаком велел ей сделать то же. Они оставили коней стоять с опущенными поводьями. Затем Ласситер, неся полевые бинокли, повёл её вверх по пологому подъёму. Подходя к вершине, он остановил её жестом.

— Полагаю, увидим больше, если не станем обозначаться на фоне неба, — сказал он. — Я был здесь меньше часа назад. Тогда стадо было в семи-восьми милях к югу, и если ещё не понеслось...

— Ласситер!.. Понеслось?

— Вот что я сказал. Теперь поглядим.

Джейн взобралась ещё на несколько шагов позади него и выглянула поверх гряды. Прямо за ней начиналась неглубокая лощина, что углублялась и расширялась в долину, а затем сворачивала влево. Следуя изгибу волнистой полыни, Джейн увидела разрозненные линии, а затем и всю громаду белого стада. Она достаточно знала о быках, даже на расстоянии четырёх-пяти миль, чтобы понять: что-то затевается. Поднеся к глазам бинокль, она медленно повела им слева направо, охватывая взглядом всё стадо. Отбившиеся животные были беспокойны; более плотно сбитые быки паслись. Джейн навела бинокль обратно на крупных вожаков стада и увидела, как они трусят быстрыми шагами, резко останавливаются и мотают широкими рогами, озираются во все стороны, а затем трусят в другую сторону.

— Джаджинс ещё не успел собрать своих ребят, — сказала Джейн. — Но скоро будет там. Надеюсь, не слишком поздно. Ласситер, что пугает этих больших вожаков?

— Пока ничего особенного, — ответил Ласситер. — Эти быки уже успокаиваются. Их напугали, но не сильно. Полагаю, всё стадо сдвинулось на пару миль в эту сторону с тех пор, как я тут был.

— Не могли они за час пастись на такое расстояние. Скот — не овцы.

— Нет, они просто бежали, и это плохой знак.

— Ласситер, что их напугало? — повторила Джейн нетерпеливо.

— Опустите бинокль. Сперва лучше видно простым глазом. Теперь гляньте вдоль тех гряд по ту сторону стада, где солнце ярко светит на полынь... Вот так. Теперь гляди и гляди пристально и жди.

Долгие, напряжённые мгновения не вознаградили Джейн ничем, кроме низкой пурпурной кромки гряды и мерцающей полыни.

— Опять начинается! — прошептал Ласситер и стиснул её руку. — Гляди... Вон, видела?

— Нет, нет. Скажите мне, на что смотреть.

— Белая вспышка — вроде точки быстрого света — блик, точно солнце на чём-то белом.

Внезапно сосредоточенный взгляд Джейн уловил мимолётный отблеск. Быстро она навела бинокль на то место. Снова пурпурная полынь, увеличенная в цвете, размере и волнении, долгими мгновениями раздражала её однообразием. Затем из полыни на гряде взметнулся широкий белый предмет, блеснул на солнце и исчез. Точно волшебство, и Джейн была ошеломлена.

— Что это, чёрт возьми?

— Полагаю, там кто-то за грядой подбрасывает простыню или белое одеяло, чтобы отразить солнце.

— Зачем? — спросила Джейн, ещё больше сбита с толку.

— Чтобы вспугнуть стадо, — ответил Ласситер, и зубы его щёлкнули.

— А! — Она сделала резкое, страстное движение, крепко стиснула бинокль, вздрогнула, будто от прошедшего спазма, а затем опустила голову. Немного погодя она снова подняла её, встретив Ласситера почти улыбкой. — Мои праведные братья снова взялись за дело, — сказала она с презрением. Она подавила порыв ярости, но, быть может, впервые в жизни горькая насмешка искривила её губы. Прохладные серые глаза Ласситера, казалось, пронзали её насквозь. — Я сказала, что готова к чему угодно; но это едва ли было правдой. Но зачем им — кому бы то ни было — пугать мой скот?

— Это мормонский, богоугодный способ поставить женщину на колени.

— Ласситер, я скорее умру, чем преклоню колени. Меня можно вести; погонять — нельзя. Вы ожидаете, что стадо понесётся?

— Мне не нравится вид этих крупных быков. Но никогда не знаешь наверняка. Скот иногда несётся так же легко, как бизоны. Любая вспышка или движение может их подхватить. Порой всадник, что спешивается и идёт к ним пешком, заставляет их вскинуться и рвануть. А иной раз, кажется, ничто их не пугает. Но полагаю, эта белая вспышка сделает своё дело. Для меня это в новинку, а уж я повидал и верховой езды, и угонов скота. Только одному из этих богобоязненных мормонов могло прийти в голову такое дьявольское коварство.

— Ласситер, может, эта уловка — дело рук людей Олдринга? — спросила Джейн, всё ещё цепляясь за соломинку.

— Могла бы быть, да только это не так, — ответил Ласситер. — Олдринг — честный вор. Он не станет прятаться за грядями, чтобы разогнать ваш скот на все четыре стороны. Он наезжает на вас прямо, и если вам это не по нраву, можете выхватить оружие.

Джейн прикусила язык, чтобы удержаться от заступничества за людей, что в этот самый миг доказывали ей, насколько они мелки и низки — даже в сравнении с угонщиками.

— Гляди!.. Джейн, передние быки понеслись. Они увлекают отбившихся, а те потащат за собой всё стадо.

Джейн не успела уловить подробностей, что выкрикивал Ласситер, но увидела, как линия скота удлиняется. Затем, точно поток белых пчёл, льющихся из огромного роя, быки растянулись из главной массы. За несколько мгновений, с поразительной быстротой, всё стадо пришло

в движение. Слабый рёв топочущих копыт донёсся до слуха Джейн и постепенно нарастал; низкие, клубящиеся тучи пыли начали подниматься над пылью.

— Это паника, да ещё какая, — сказал Ласситер.

— О, Ласситер! Стадо бежит вдоль долины! А она ведёт в каньон! Там прямой обрыв!

— Полагаю, они и туда добегут. Но до того ещё немало миль. И, Джейн, эта долина сворачивает почти на север, прежде чем повернуть на восток. Эта паника пронесётся в миле от нас.

Длинная, белая, скачущая линия быков стремительно неслась через пыльную, а воронкообразное облако пыли поднималось под низким углом. Глухой гул наполнил слух Джейн.

— Думаю смолотить это стадо, — сказал Ласситер. Его серый взгляд скользнул вверх по склону, на запад. — Там какие-то точки и пыль в сторону селения. Может, это Джадкинс со своими ребятами. Вряд ли он успеет сюда вовремя. Лучше поддержите Чёрную Звезду здесь, на этой высокой гряде.

Он побежал к своему коню и, сбросив переметные сумы и подтянув подпруги, вскочил в седло и поскакал прямо вниз, через долину.

Джейн подошла к Чёрной Звезде и, подведя его к вершине гряды, села верхом и повернулась лицом к долине с волнением и предчувствием. Она слышала о том, как «смаывают» взбесившийся скот, и знала, что это подвиг, доступный лишь самым отважным всадникам.

Белое стадо теперь растянулось линией длиной в две мили. Глухой гул тысяч копыт нарастал в непрерывный низкий гром, и, по мере того как быки стремительно приближались, гром переходил в тяжёлый рокот. Ласситер за несколько мгновений пересёк дно долины к восточному подъёму и там ждал приближения стада. Вскоре, когда голова белой линии поравнялась с местом, где стояла Джейн, Ласситер прищипорил своего вороного в галоп.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.